

КОНСТАНТИН ФРЕС

ГУВЕРНАТКА ДЛЯ
КАПРИЗНОГО ПРИНЦА

Константин Фрес

Гувернантка для капризного принца

<https://litres.ru/74203653>

Аннотация

- У меня много желаний, - нахально усмехнулся он. - И мне нужна та, которая будет их исполнять. Забудь, кем ты была до этого дня. Отныне ты принадлежишь мне. И ты будешь делать все, что я прикажу. Не то твоя маленькая сестренка пожалеет, что на свет родилась. Ну, на что ты готова ради нее? Сможешь ее защитить от жестокого мира? - Вы не посмеете! - Хочешь проверить? Это можно устроить. И для начала я как следует накажу тебя за строптивость... #попаданка #от ненависти до любви #властный герой_дракон #СТУЛ!!!! #ОСТОРОЖНО! ЗЛОЕ СВЕКРОВИЩЕ!

Содержание

Глава 1. Его Капризное Высочество (18+)	4
Глава 2. Ее Лютейшее Величество (18+)	21
Глава 3. Как в совершенстве овладеть языком за один урок (18+)	33
Глава 4. Будущая королева	53
Глава 5. Монаршие капризы	73
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Глава 1. Его Капризное Высочество (18+)

— Не смей ломать комедию в присутствии его высочества! Встань сейчас же, дрянь!

На голову девушки, повисшей бессильно в руках дюжих охранников, обрушилось ведро ледяной воды, и она с криком очнулась, хватая губами воздух.

— Где я?! Что вы хотите сделать со мной?!

— Смирно стой!

Легко сказать — стой смирно! Как это сделать, если с ног до головы мокрая, тонкая сорочка липнет к телу, обрисовывая все округлости и интимности, а ты находишься среди мужчин, беззащитная и напуганная!

— Прошу, отпустите...

Девушка попыталась прикрыть руками грудь, просвечивающую сквозь тонкую мокрую ткань. От холода по коже бежали мурашки, соски затвердели, стали острыми, и их хорошо было видно. Вот стыд-то!

— Руки опусти!

Крепкая ладонь ухватила ее за плечо и встряхнула, припугивая встать ровно и покорно, и девушка в испуге подчинилась, хотя готова была провалиться от стыда сквозь землю.

— Слушай, что тебе скажет его высочество принц Альберт!

Высочество?!

Принц Монако, что ли?!

Что здесь вообще происходит?!

Голова ее раскалывалась от боли. В мозгу все смешалось, какие-то пугающие образы возникали, всплывали из памяти — из чьей-то чужой памяти! И она вспомнила, что зовут ее Эвита Флорес.

Или Маша Поземова?!

Еще с утра, по крайней мере, она была Машей.

Привычно встала по звонку будильника, нехотя собралась на работу. Торопливо выпила горячий и невкусный кофе.

В зеркале снова увидела свое отражение — блеклая, уставшая девушка лет двадцати пяти с потухшим взглядом и ломкими светлыми волосами.

— Авитаминоз, — вынесла вердикт она, рассматривая в отражении бледную щеку со вспухающим на ней очередным прыщом. — И недотрах.

Ну, логично. Откуда быть дотрахе у одинокой девушки? Дом, работа. Дом. Вся жизнь ее превратилась в сплошную ночь. Идет на работу — еще темно, идет с работы — уже темно. Безразмерный пуховик и шарф, намотанный до самых ушей, привлекательности не придают. Найти кавалера просто нереально.

Так она размышляла, стоя у зеркала, как вдруг голова ее

очень сильно закружилась. Так, что в глазах потемнело, и девушка, ахнув, завалилась вперед, уткнувшись лбом в холодную зеркальную поверхность.

— Многовато выпито кофе, — промямлила она, не понимая, что с ней происходит.

А дальше была темнота, и очнулась она только в странной комнате, полураздетая, окруженная стражей...

Перед ней, на широкой кровати, под массивным роскошным балдахином, лежал мужчина. Абсолютно обнаженный, и не стыдящийся своей наготы.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он тут главный. Темная грозная стража держалась почтительно, да и выглядела грубовато. Широкие грубые лица, массивные тела...

А этот, развалившийся голышом на подушках, был не такой.

Очень уж хорош собой и слишком гладкий!

Темные блестящие волосы рассыпались по подушке, по плечам красавца.

«С таким волосами только в рекламе шампуней сниматься», — почему-то подумала девушка.

Он был красив, смесь из мощи и утонченного изящества.

Широкоплечий, высокий, сильный, с подтянутым мускулистым животом, с широкой, хорошо развитой грудью. Руки сильные и красивые, пальцы чистые, длинные.

«Ничего тяжелее ложки не поднимает!» — подумала де-

вушка. Но это, разумеется, было не так. Ложкой таких мышц не накачаешь!

Под чистой гладкой кожей перекачивались тугие сильные мышцы.

Лев на отдыхе.

Такой же вальяжный, сильный и небрежный.

И такой же опасный.

Несмотря на расслабленную позу, от мужчины веяло опасностью. Словно он готов был в любой момент подскочить, сорваться с места, наброситься и растерзать свою добычу.

За изголовьем его роскошной кровати, хихикая и перешептываясь, стояли две девицы. Две абсолютно голых девицы! Иногда они склонялись, и тянулись к своему повелителю. Шаля, касались пальчиками его груди, дразнили его и нетерпеливо напоминали о себе.

Словно пара молодых львиц, донимали своего царя, требуя ласки и любви.

При взгляде на их голые бедра, на бессовестно выставленные на всеобщее обозрение груди у девушки глаза на лоб полезли. Он что, групповуху тут собрался устроить?! И ее сюда притащили с этой целью?!

Словно подтверждая ее догадку, одна из девиц, не вытерпев долгого ожидания, скользнула на постель рядом с мужчиной. С обожанием прижалась к нему, покрывая поцелуями его грудь, его живот.

В ее касаниях, объятьях и поцелуях было так много по-

хотливого, развратного обожания, что у несчастной пленницы тошнота подступила к горлу.

Распутная любовница, ласкающая своего господина, нахально улыбнулась, покосилась на замершую в ужасе девушку.

Ее пальцы жадно скользнули по животу мужчины, по темной дорожке волос, в пах, и она наделась ртом на вставший член. Ее губы сжали чувствительную головку члена, заскользили по напряженному жесткому стволу, и мужчина долго, протяжно застонал, отдаваясь во власть наслаждения.

Он то откидывался назад, закрывая глаза и всецело погружаясь в ощущения, то приподнимался, чтоб глянуть на возбуждающие действия женщины.

Это было так бессовестно и мерзко, что несчастная пленница, удерживаемая грубыми стражами, зажмурилась и отвернулась от ласкающихся любовников.

И чем быстрее действовала любовница, тем откровеннее и развратнее постанывал мужчина.

«Этого еще не хватало! Извращенцы... угораздило же меня попасть!»

Ее отвращение не осталось без внимания; мужчина заметил, как ее трясет от омерзения и усмехнулся. Он без церемоний отпихнул умелую любовницу, хотя ее ласки, несомненно, доставляли ему огромное удовольствие, и поднялся на ноги.

— Разрешите поприветствовать вас, герцогиня Флорес,

— проговорил он, подойдя к своей пленнице вплотную. — Ничего, что я так вот запросто, в домашней обстановке?

«Эвита Флорес, — зажмурившись, сжав зубы, повторяла про себя девушка. — Теперь меня зовут Эвита... черт бы тебя побрал, Эвита! Когда ты успела насолить этому голожопому засранцу, куда испарилась сама, и почему за тебя отдуваюсь я?!»

— Смотри мне в глаза, когда я приказываю! — его голос стал резким, злобным. И ей пришлось открыть глаза и повернуться к нему, хотя все ее существо вопило от ужаса и омерзения.

Она встретилась взглядом с его темными глазами, и стало лишь хуже.

Мужчина был невероятно красив. Так же красив, сколь и порочен.

Черты лица тонкие, породистые. Высокие скулы, красиво очерченные губы, породистый тонкий нос. И темные-темные, как лесные омуты, глаза. Загораживающие, прекрасные. Карие, но в них, словно солнечные лучи, проблёскивают теплые желтые искры.

Невероятной красоты мужчина!

Девушка даже дышать перестала на миг, позабыв о своем страхе и невольно залюбовавшись своим похитителем.

Но в нем, в его напряжённой позе, в упрямом наклоне головы, угадывалась стальная воля, злая, темная, эгоистичная сила.

— Невежливо отворачиваться, когда с тобой разговаривает монаршая особа, — процедил мужчина. Он грубо ухватил лицо девушки за подбородок, вздернул его вверх, принуждая смотреть себе в глаза. — Ну-у-у, ты готова служить мне верой и правдой, Эвита?

— Смотря что подразумевает эта служба! — бесстрашно выдохнула она ему в лицо.

По его красивым губам скользнула поистине адская усмешка.

— Все, — выдохнул он. — Эта служба подразумевает все, что я потребую. Все, что я захочу.

— Что вы хотите?! Что вам нужно?!
 — У меня много желаний, — нахально усмехнулся он. — И мне нужна та, которая будет их исполнять. Эти игрушки, — он кивнул на жмущихся у изголовья кровати девиц, — мне порядком надоели. Мне нужна забава посвежее. Да и герцогиня Флорес... такое громкое имя. Таких высокородных девиц я еще не пробовал. А так хотелось бы узнать, отличаются ли эти спесивые герцоги чем-то то других людей. Но, судя по первому впечатлению, ничем, — он окинул похотливым взглядом ее тело, облепленное мокрой рубашкой. Взгляд его задержался на ее груди чуть дольше, чем на всем остальном, и девушка с трудом подавила в себе желание прикрыться от него руками. — Но я проведу... более углубленное расследование.

Его член, огромный, чуть подрагивающий, все еще стоял,

возбужденный ласками его любовницы. Огромный и крепкий, он явно жаждал разрядки.

И этот паршивец, чертов принц, или как там его, совершенно однозначно давал понять, куда именно он собрался углубляться в своих расследованиях.

«О-о-о, — обреченно подумала девушка, — сейчас этот мерзавец устранил тебе, Маня, авитаминоз методом дотраха!»

— Нет, ради бога, нет! — закричала девушка, забившись в руках стражи.

Пестрыми цветными картинками на нее нахлынули последние воспоминания о том, как вообще она попала сюда, в дом этого мерзавца.

Она вспомнила тряскую изматывающую дорогу, холод.

По договору, заключенному с побежденным отцом Эвиты Флоренс, девушка должна была прибыть во дворец его злейшего врага и прислуживать ему, выказывая свою полную покорность и дружеское расположение знатного и некогда сильного дома герцогов Флоресов.

Служить и кланяться — на это согласилась гордая и чистая Эвита. Но в постель?!.. К извращенцу, сластолюбцу, который трахает все, что движется?!

Это было гадко и унижительно.

Дом Флоресов сдался на милость победителя, но победитель не спешил проявлять великодушие. Он хотел унижить, втоптать некогда славное имя в грязь.

А как сделать это лучше, чем обесчестить дочерей герцога с его молчаливого согласия?

При дворе все будут знать, что читая и прекрасная Эвита, прокорно склоняющая голову за обедом перед принцем, ночью с той же покорностью сосет его член.

И делает еще много чего интересного.

Об этом станут шептаться, нахально глядя в глаза Эвите, не скрывая своего презрения к ее положению. Над ней будут смеяться, и скоро она станет изгоем.

Жалкой потаскушкой при дворе...

«Кажется, у нее от ужаса сердце разорвалось, когда она увидела этого мерзавца без штанов, — в панике думала девушка. Она вспомнила, как уставшая Эвита разделась и легла в постель, и как ее оттуда грубо вытащили, в одной ночной сорочке. И притащили к принцу. Как невероятно унизительно! — И меня каким-то образом закинуло на ее место... в ее тело!»

— Забудь, кем ты была до этого дня. Отныне ты никто, ты вещь, и принадлежишь мне. И ты будешь делать все, что я прикажу. Не то твоя маленькая сестренка пожалеет, что на свет родилась.

При упоминании сестры у девушки просто сердце едва не остановилось.

Чужая память нарисовала ей образ пухлощекого ангелочка со светлыми кудряшками. Дыхание перехватило, в глазах потемнело.

«Да что ты переживаешь, Маня?! — думала она, сцепив зубы и изо всех сил стараясь сохранить невозмутимый вид. — Это же чужая девчонка! Вот это тебя никак не касается вообще! Хочет этот мерзавец отрываться на ней — да ради бога!»

Но обмануть себя не удалось.

Никакая она не чужая, твердил разум, раз за разом подкидывая воспоминания с доверчивым взглядом малышки.

Она приехала вместе с Эвитой. Заложница положения, такая же испуганная, оторванная от дома и от родных. Эвита для нее последний лучик, единственный знакомый и родной человек в новом мире. Отвернуться? Позволить этому негодяи издеваться над ребенком, который смотрит на тебя доверчиво и умоляюще?

Обмануть ее?

Предать?

«Малышка не виновата, ни в чем не виновата! — в отчаянии подумала девушка, принимая и имя Эвиты, и ее наследие. — Если я не смогу защитить ее, то кто сможет? Родной отец умыл руки! Вот шкура! Ох, если я выберусь из этой ямы!.. Если я выживу! Мне мало будет посмотреть ему в глаза, я их выцарапаю!»

Принц омерзительно усмехался. Он нащупал слабое место у Эвиты, да что там — он о нем знал. Наверняка и малышку-сестру потребовал доставить во дворец лишь затем, чтобы с ее помощью было легче манипулировать девушкой.

— Что... что вы задумали?! Она же совсем ребенок! — выдохнула она.

— Ничего. Подметать мусор, таскать золу и уголь сгодится, — беспечно ответил принц.

— Но она не справится! Эта работа тяжелая, с ней не всякая взрослая женщина сладит...

— Не справится — будет сечена розгами, как следует. И так каждый раз, когда не сделает своей работы. Но это если ты заупрямишься. Так что все зависит от тебя! Решайся. Что тебе дороже, честное и доброе имя, эти иллюзорные и призрачные добродетели, или все же жизнь твоей крохотной сестренки. Маленькие девочки очень горько плачут, если их сечь розгами. Их крики и визги просто так рвут сердце.

— Вы негодяй! Вы монстр, вы чудовище! — выдохнула девушка, сжимая кулаки.

— Да-да, — небрежно подтвердил принц, оценивающе оглядывая ее. — Твой папаша говорил то же самое. А сейчас ползает на брюхе и пресмыкается передо мной. А ты злишься, никак? Ух, какой темперамент! Знаешь, мне даже нравится, когда ты злишься. Тебе идет. Тем веселее будет тебя укрощать. Ты ведь строптивая кобылка, м-м-м? Не разочаруешь меня?

— Мерзавец!

— Ну, на что ты готова ради нее? Сможешь ее защитить от жестокого мира?
— Вы не посмеете ее тронуть!
— Хочешь проверить? Это можно устроить. Но для начала

я как следует накажу тебя за строптивость...

Он подошел близко-близко.

Практически вплотную.

Девушку окутал жар его молодого, сильного тела, аромат кожи опьянил ее.

«Ну, ведь роскошный же мужик, — страдая, подумала она, крепко сжав зубы, чтобы не закричать от страха. — Почему ж он козел-то такой?! Ведет себя так, словно ему не дают!»

— Пожалуйста, — через силу произнесла она как можно тверже, стараясь не выдать своего страха, когда он коснулся ее лица, невесомо, почти нежно. — Не нужно... прошу... Неужели вы опуститесь до банального насилия?!

— Знаешь, — произнес он странно, доверительно, — а ведь ты красива. Если б ты была еще и покладиста...

— Нет!

— Ну, нет, так нет, — принц даже не поморщился от ее яростного отказа. — Сильно-то никто и спрашивать не станет. Подержите-ка ее!

— Насиловать женщин, шантажировать, издеваться над детьми — удел ничтожных слабаков!

Девушка очень хотела задеть мужчину за живое; хотела расшевелить его, хотела увидеть в его глазах настоящее, живое чувство, обиду или злость.

«Неужто ему все равно?! Он же не может всерьез думать, что то, что он вздумал сделать, нормально?!»

Но, кажется, ему в самом деле было плевать.

— Ты ошибаешься, о, как ты ошибаешься! — прошептал он голосом опасным, жутким и страстным.

От этих слов у нее мурашки по коже побежали.

Ее словно опажнуло стужей, промораживающей до самого сердца.

— Все то, что я сделаю с тобой, я сделаю потому, что в нашей Десятилетней Войне я оказался сильнее твоего ничемного отца. А слаб, как раз, оказался он. Знаешь, что он сделал бы со мной, если б одержал верх? Знаешь, чем он грозился?

Принц обхватил ахнувшую девушку сильной рукой, привлек к себе, прижал тесно-тесно, так, что она чувствовала пульсацию крови в его напряженном члене.

— Как ты думаешь, я красив?

Девушка нервно сглотнула, глядя в его темные глаза и не понимая, куда он клонит.

В висках ее стучало, от близости этого мужчины, от жуткого, хищного, острого взгляда его темных глаз бросало в нервную дрожь.

— Я не...

— Неужто трудно сказать, да или нет, — ворковал он, похотливо оглаживая ее ягодицы сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Ей казалось, что под его ладонями у нее кожа горит, нервы пронзали тысячи раскаленных игл. — Ну?

Его голос был обволакивающим. Глубоким, бархатным.

«Наверное, от его тембра девки теряли голову и сами шлепались на спину, растопырив ноги!» — в отчаянии подумала она.

Его ладонь, путешествующая по ее телу, опустилась под ягодицы и попыталась проникнуть меж ее ног.

Девушка вскрикнула и рванулась прочь, но принц жестко удержал ее. Его рука больно впилась в ее тело, так, что из глаз ее брызнули слезы.

— Куда же ты? — интимно проворковал принц, склоняясь над ее часто вздымающейся грудью. — Мы еще не закончили. Ну, так ты ответишь на мой вопрос? Ты считаешь меня красивым?

Говорил он ласково, это верно; только вот руки его творили нехорошие вещи. Одна рука наставила синяков на нежных боках девушки, удерживая ее рядом насильно, а вторая бесцеремонно и грубо протиснулась между ее ног.

Пальцы толкнулись в лоно, и девушка вскрикнула от жгучей боли. Из глаз ее градом хлынули слезы, то боли и унижения.

— О, девственница! Какой приятный сюрприз! Разве ты не была ни с кем обручена?

«Девственница! — мелькнула у девушки в голове. — Снова здорово! Только этого не хватало!»

— Я не...

— Вот, заговорила. Так что там с ответом? Красив я?

— Да! — выдохнула она, сжимаясь, потому что бесцере-

монная рука принца поглаживала ее между ног, массировала ее лоно, проскальзывала дальше, меж ягодиц, хватая, ощущая все...

На ее ответ принц усмехнулся.

Темные глаза его сощурились, стали кроткими, ласковыми, бархатными под тенью черных ресниц.

— Не просто красив, — поучительно произнес он, — а идеальное творение природы и моих родителей, конечно. Безупречен. Практически произведение искусства. Так?

«Самовлюблённый индюк ты надутый, с голой гузкой!» — в ярости подумала она. — Сколько самолюбования!»

Его пальцы чуть погрузились в ее тело, снова причиняя боль, и девушка заплесала на самых кончиках пальцев, закусив губу, чтобы не раскричаться.

Принц склонился над ее лицом, словно хотел поцеловать или, точнее, выпить ее крики, если она вдруг вскрикнет от боли.

На своем лице она чувствовала его дыхание, горячее, обжигающее дыхание распаленного зверя.

Его тело, прижившееся к ней, дрожало мелкой дрожью от возбуждения, и каждое его касание было полно дикой жажды.

Жажды ее тела. Жажды ее запаха, ее лона, ее сока желания.

Жажды ее изнеможения.

Он не притворялся, не играл. Он хотел ее, и не только сек-

са с ней — он хотел ее растерзать, разорвать, упиться ее страхом и болью.

Странное, непонятное влечение было смешано с ненавистью, и принц не повалил ее на пол и не взял лишь потому, что сам не знал, чего хочет больше, убить или оттрахать как следует.

— Так?! — с напором переспросил он, и она взвизгнула, когда один из его пальцев скользнул в ее тело сзади. Стыдно какой!

— Да, да! — выкрикнула она, багровея.

— Вот видишь, — с удовлетворением кивнул он, продолжая унижительную пытку. — А твой отец, издеваясь, обещал меня изуродовать. В случае победы он обещал отрубить мне пальцы — да-да, те самые, которые на данный момент в тебе находятся, — отрезать уши и язык, ослепить, слегка поджарить на костре, переломать кости и на полгода посадить в бочку. Если б после этого я выжил, то меня можно было б показывать на ярмарке за деньги, как самого чудовищного, полусгнившего уродца, какого только видел мир.

— Но ведь не сделал же! — выкрикнула девушка, извиваясь. Пальцы принца проникали в ее тело все настойчивее, все глубже, и она просто сходила с ума от боли.

— Ты думаешь, он пошутил? — задумчиво произнес принц. — Не думаю. Но в любом случае, хорошо, что проверить это мы не можем. Так что ты должна быть мне благодарна. Я не собираюсь тебя уродовать и жарить на костре.

Я всего лишь хочу немного... обесценить ваше поганое имя. Старшая дочь потаскуха, младшая моет полы, убирает навоз — это все, на что годятся герцогини Флоренс.

— Ты обещал не трогать сестру, мразь!

От его гадких обещаний девушка взвизгивает, словно он ожег ее плетью. Ярость и отчаяние накатывают на нее, она кричит иступленно, молотя кулачками по его плечам.

Но услышав ее гневные слова, он расхохотался.

Этот смех, словно остро отточенный нож, полоснул девушку по сердцу

Смеющийся принц был еще прекраснее, в его темных глазах плясали смешливые искры, только вот смеялся он над чудовищными вещами.

— Чудовище, — выдохнула девушка, дрожа от отвращения и страха. — Какое же ты чудовище...

Глава 2. Ее Лютейшее Величество (18+)

Принц больше не смеялся.

— Пошли все вон отсюда! — скомандовал он, и стража поспешно удалилась.

Вслед за воинами выбежали девицы, прижимая к груди свои одежды. Принц не позволил им даже одеться.

Он грубо ухватил девушку и швырнул ее на постель, навалился сверху.

— Не нужно, не надо!

Она рыдала, сама не понимая, отчего.

Ведь это же не правда?!

Это же снится ей?!

Этого не может быть!

Принц рванул ворот ее пуританской ночной сорочки, раздирая одежду в локуты. Коленом больно вклинился меж ее судорожно сжатых ног и разжал их, грубо и жестко, так, что она вскрикнула.

— Да есть же в вас что-то человеческое! — закричала она в ужасе, ощутив его жадные руки на своем голом животе, на бедрах.

— Вот как заговорила, — прохрипел он. — Вспомнила о человеческом?!

В красивого молодого человека словно бес вселился. Он стал жутким, жестким, беспощадным и холодным. Его руки были словно из стали отлиты. Они причиняли лишь боль!

И немудрено: приподнявшись над рыдающей девушкой, он бесцеремонно закинул ее ноги себе на плечи и приставил свой возбужденный член к ее лону.

— Сволочь похотливая! — заверещала девушка, ощущая первое проникновение и жгучую боль. — Ищи себе другую пещеру, динозавр-переросток!

Не соображая, что делает, она вцепилась в его лицо ногтями, но он без труда заломил ей руки и жестко, беспощадно двинул бедрами, вдавливаясь в ее тело.

Она взвыла, ощутив в себе его огромный напряженный член, жесткий, словно железный.

А принц, глядя в ее искаженное от боли лицо, жестко толкнулся еще раз, торжествуя свою победу над ее распростертым телом, прохрипел:

— Теперь ты моя. Помеченная мной, навечно моя. Моя игрушка, моя собственность, моя вещь. Поняла?! Только моя...

В его голосе внезапно прорезалась жадная, ужасно эротичная страсть. Он приподнялся, и внезапно пылко и нежно прижался губами к ее колену, лежащему на его плече.

Провел языком по нежной белой коже, словно наслаждаясь вкусом изысканного сладкого лакомства. Несколько раз

качнул бедрами, погружаясь в тело девушки еще и еще, словно пытаясь достать до потаенных точек, вспыхивающих удовольствием.

— Моя-я-я, — выдохнул он с удовлетворением и рассмеялся, толкнувшись сильно, чувствительно, чтобы вызвать у своей жертвы хоть какой-то отклик.

Девушка изо всех сил старалась лежать смирно, никак не реагируя на его старания. Раз уж попала в такую ситуацию, нужно с честью ее перенести.

«Когда же ты отвалишься, — с ненавистью думала она, втягивая воздух маленькими глоточками сквозь сжатые зубы. — Червяк-переросток!»

Он увидел, что девушка изо всех сил сопротивляется его ласкам, и рассмеялся.

— Я заставлю тебя покричать! — пообещал он вкрадчивым шепотом. — У меня хорошее настроение, так что мы прокувыркаемся всю ночь!

— Ненавижу! — выдохнула она.

Он рассмеялся ей в лицо, приподнялся, перехватил ее бедро, жадно стиснув жесткими пальцами мягкую плоть, и снова толкнулся в ее тело, причиняя боль.

— Ничего, — шепнул он. — Тебе понравится!

— Слизняк! — рычала девушка яростно, заливаясь слезами. — И в штанах у тебя слизень! Мягкий и скользкий рыхлый слизень! Слишком вялый! Я ничего не чувствую! Как это может понравиться?!

Но даже оскорбления, которые она выплевывала ему в лицо, не остановили его и не заставили смутиться.

— Да-а? — вкрадчиво произнес он между двумя толчками. — Ничего не чувствуешь? Какая жалость!

— Ой, что-то ползает внутри! — кривляясь, дразнила она своего мучителя. — Не пойму, то ли это ты елозишь, то ли газы?!

Но она чувствовала, еще как.

Его член, огромный и мощный, был словно железный.

Раз за разом, жесткими толчками, он погружался в узкое лоно девушки, и та болезненно вскрикивала, вцепившись ногтями в простыни.

«О господи, меня словно слон поимел! Будь мы в другой ситуации, я б дала тебе приз зрительских симпатий за твою фуру с прицепом, чертов принц! Но сейчас ты заслуживаешь титула «Козлина года»! Мог бы быть и понежнее! Ну, попала по полной программе! — в ужасе думала она. — Что делать?! Как выкрутиться?»

На ее счастье за дверями вдруг раздались встревоженные голоса, в дверь громко постучали.

— Именем королевы, откройте! — прокричали из-за содрогающихся от ударов дверей.

Принц грязно ругнулся, подскочил, оставив свою жертву, и в один миг оказался на ногах, запахиваясь в роскошный халат.

— Какого черта так не вовремя, — процедил он.

Он успел прикрыть свою наготу в последний момент.

Истерзанная им девушка, заливаясь слезами, с трудом перевернулась на бок, свернулась калачиком, закрыв лицо руками. Она сгорала от стыда и обиды. Все тело ее болело.

Двери распахнулись, и в комнату не вошла — ввалилась невысокая хрупкая женщина, одетая в роскошное платье, с поблескивающей золотом диадемой в пшеничного цвета волосах.

— Слава небесам, ваше высочество! — выкрикнула она, хватаясь рукой за сердце, слишком картинно, чтоб можно было поверить в ее беспокойство. — Я думала, вы в опасности...

— Что за глупость, — буркнул принц недовольно. — С чего это я должен быть в опасности?

Недобрые глазки королевы-матери скользнули по кровати, на которой, сжавшись в комочек, всхлипывая, лежала девушка.

— Потаскуха! — выдохнула королева яростно, и снова закатила трагически глаза и прижала узловатые тонкие пальцы к сердцу. — Этого следовало ожидать! Того, что эта бесстыжая девка заберется в вашу постель, ваше высочество!

— Что?! — услышав обвинения в свой адрес, подскочила девушка. — Я забралась?! Это я-то — забралась?! Да он сам!..

Но королева и ухом не повела.

— Ее не оказалось в отведенных ей покоях. Что я должна

была думать? — произнесла королева сварливо. — От этого сброда, называющего себя почему-то герцогами Флорес, всего можно ожидать! Мало ли? Может, она припрятала яд, или кинжал! Но я вижу, — королева окинула девушку уничтожающим, полным яда взглядом, — что она прибегла к помощи своего обычного оружия. Решила заработать благосклонность его высочества своим излюбленным способом? Мужчины милосердны и падки на женские прелести! Но у тебя этот номер не пройдет, пока я здесь! Я уж сумею защитить моего мальчика от коварства такой распущенной девки, как ты! Потаскуха! Какое бесстыдство! Распутница!

— Я не сделала ничего плохого! — выпалила девушка, утерев злые слезы. — А сброд тут не те, кого обвиняют во всех грехах! А как раз другие! Те, в чьей власти находятся беззащитные заложники, и те, кто издевается над этими заложниками, пользуясь своей безнаказанностью!

— Молчать! — стервозно выкрикнула королева и влепила девушке пощечину.

Рука у хрупкой королевы оказалась тяжела.

Девушка вскрикнула и рухнула обратно в постель, к своему стыду.

На лице королевы играла недобрая усмешка.

— Не забывай своего места, потаскуха! — выдохнула она злобно и радостно, упиваясь своей властью над девушкой. — Ты здесь не для того, чтобы вертеть задницей перед Альбертом! Его высочество — воин.

«Ага, — злобно подумала девушка, но смолчала, потирая ушибленную щеку. — Воин! А прячется за мамкиной юбкой! И любимое оружие у него таран!»

— А его невеста, высокородная принцесса Лидании — девушка красивая, приличная, утонченная, — важно, гордясь будущей женой принца, продолжила королева. — Воспитанная. Поэтому его высочеству нужно обучиться некоторым... изящным наукам. Танцам, стихосложению. Тебя взяли в приличный дом из милости! В качестве услуги, — королева улыбалась, но ее ядовитая улыбка здорово напоминала крокодилю. — Гувернантки. Обучить его высочество.

«Крупноват ребеночек-то, — зло подумала девушка. — Люлька ему маловата будет!»

— Негодная девчонка, — радостно шипела королева. В ее маленьких глазках кипела отвратительная злоба. — Неблагодарное животное! Ты пойдешь в хлев! Убирать навоз за коровами! Если не ценишь доброго отношения к тебе, то...

Тут принц, до сей поры слушавший злобные речи королевы, вдруг подал голос.

— Руки ей не подам, — сказал он, небрежно усевшись в кресло и закинув ногу на ногу, — если от нее будет вонять навозом. Сами будете у нее танцам учиться, госпожа мать. А потом мне расскажете, как выделять все эти повороты, поклоны и что там еще.

Королева уничтожающе глянула на принца.

— Можно подумать, — рявкнула она неласково, — от вас,

ваше высочество, пахнет лучше, когда вы возвращаетесь из похода! Тем же навозом!

Принц, упрямо и благостно улыбаясь, сложил руки на животе и посмотрел на мать таким любящим, таким нежным взглядом, что она зарычала от бессильной злобы.

«А сынок-то не так послушен, как тебе хотелось бы, — мстительно подумала девушка, невольно радуясь внезапной помощи с его стороны. — Похоже, он любит трепать нервы ее величеству. Если мать у него кикимора сушеная, то папка определенно был тролль! Интересно, как у этих зверушек получилось сделать такого красивого сынку? Может, он от соседа?»

— Хуже, — гаденько и сладко, слишком угодливо, произнес принц, посмеиваясь. — Не только навозом, но и потом, кровью и гарью. Но от меня может вонять как угодно, а от женщины, с которой я должен танцевать, должно пахнуть только духами. Кажется, она должна еще и за обедом мне прислуживать?.. Нет, конечно, ее можно отправить ковыряться в коровьем дерьме. Но только тогда вы, матушка, будете делить со мной трапезу. Чтоб мы оба могли насладиться ароматами живой природы.

У королевы даже глаз задергался от нахальства и строптивости принца.

— Вы, ваше высочество, — задыхаясь от злобы, прохрипела она, — будете делать то, что я вам велю!

— Вот еще, — так же нахально и беспечно ответил принц.

— А что вы сделаете? Отшлепаєте меня? Ну, попробуйте.

— Молокосос, глупый и надутый! — вспылила королева.

— Если вы не обучитесь в кратчайший срок хорошим манерам и не выучите хотя бы пару фраз на лиданийском языке, чтоб поприветствовать невесту, об этом браке можно будет забыть! Лиданийский монарх очень строг, и к выбору партии для своей дочери подходит очень щепетильно!

Принц равнодушно пожал плечами.

— Не больно-то и хотелось, — спокойно ответил он. — Женитьба итак не входила в мои ближайшие планы. А терпеть за столом ради этого сомнительного удовольствия смердящую говн...

— Прекратить! — рывкнула королева. — Этот союз важен для нас!

— Вот и женитесь на ней сами, — ядовито ответил принц. — Мне иногда кажется, что у вас, госпожа матушка, за время вдовства отросли огромные, волосатые, седые яйца, куда больше моих. С такими половое воздержание очень вредно.

С минуту королева молчала, давясь воздухом. В комнате принца стояла такая гробовая тишина, что, казалось, было слышно, как рот принца разъезжается в улыбке все шире и шире.

«О-о-о, — подумала девушка, — а вы наглец, вашество. Так старенькую мамку расстраивать и не уважать...»

— Не смей! — прохрипела яростно королева, потрясая сухонькими кулачками, и принц мгновенно перестал улы-

баться.

— Не смей приказывать мне, — злобно рыкнул он, поднимаясь на ноги. — Я обязан исполнять свой долг, а не удовлетворять ваши злобные и мелкие желания!

«Два — ноль в пользу большого слизня!»

— Жениться на лиданийской заезженной линиялой кобыле ради выгодного политического союза? Извольте! Но я не желаю, чтобы ради ваших капризов от моей служанки воняло чем попало! Эта женщина, — он ткнул пальцем в сторону девушки, — выбрана прислуживать мне! Она моя, понятно? А у меня может быть все только самое лучшее!

Он рассерженно, как кот, фыркнул.

— Испортили такое настроение, — горько произнес он, покосившись на свою несостоявшуюся любовницу-Эвиту. — Демон... эй, там! Отведите девицу в ее комнату! Да проследите, чтобы она до утра там оставалась, и никуда не делась! Упустите — шкуру живьем спущу. Сам, лично.

Девушку втокнули в комнату и с грохотом захлопнули за ней двери. Дважды повернулся в замке ключ, шаги в коридоре стихли, и она перевела дух.

Комната, довольно просторная, выглядела престранно. Словно ее обыскивали.

«Королева, похоже, искала меня даже под кроватью», — мрачно подумала девушка, оглядывая перерытое одеяло, раскиданные подушки, и... испуганную мордашку, выгляды-

вающую из-за полога.

— Малышка! — прошептала девушка. Голос ее дрогнула; она поплотнее запахнула халат принца, который накинута на нее в последнюю минуту, и невольно порадовалась, что девочка не видит ее разорванной одежды и бурых пятен крови на сорочке. — Не бойся, иди сюда! Все хорошо, все хорошо!

— Эвита! — всхлипнула девочка, выбираясь из-за кровати и бросаясь в объятия той, кого считала своей сестрой. — Что они с тобой сделали?! Они тебя побили?!

«Эвита, — подумала девушка, — теперь меня зовут Эвита. Надо бы привыкнуть к этому имени. По крайней мере, до тех пор, пока не придумаю, как мне выбраться отсюда...»

— Ничего, милая, ничего, — руки девушки дрожали, но она упрямо сцепила зубы, чтоб не разрыдаться и не напугать девочку. — Так, поругались немножко... и пальцем не тронули, правда.

— Лютокоролева была здесь, — тревожным шепотом произнесла девочка. Маленький белокурый и синеглазый ангелочек; как у этого принца-поганца язык повернулся сказать, что она будет уголь таскать?! — Она залезла в твои сундуки и вытащила все твои украшения. И шубку забрала, и красивое платье.

Память Эвиты услужливо подкинула картинку — дорожные сундуки, полные шелков и бархата. Герцог Флорес собрал дочери в путь все самое необходимое и простое, но у нее не было простых и невзрачных вещей.

Все красивые и дорогие, наряды богатые, расшитые золотом.

Королева выгребла все.

«Словно воровка какая-то дешевая», — неприязненно подумала Эвита, рассматривая раскиданную одежду.

Осталась пара платьев, самых непритязательных, самых простых.

«Ну, хоть трусы мне оставила, старая ворона. И на том спасибо!»

Глава 3. Как в совершенстве овладеть языком за один урок (18+)

Утром Эвита поднялась очень рано.

Да, кажется, она и не спала. Дремала рваными урывками, выныривая из сна, просыпаясь от каждого шороха.

Задолго до рассвета поднялась, умыла лицо ледяной водой, найденной в кувшине для умывания.

Взяла щетку для волос, подошла к зеркалу, и... застыла, изумленная.

— Качественно удалил авитаминоз, — пробормотала она, рассматривая незнакомое отражение. — Теперь, стало быть, я такая...

Эвита Флорес, покинувшая свое тело, конечно, сделала это очень опрометчиво.

Такие тела на дороге не валяются!

Дочь герцога была не только красива, хороша собой, но и ухожена до самых кончиков пальцев.

Да и кончики пальцев тоже были отполированы и натерты ароматическими маслами и кремами до розовой, почти зефирной, мягкости!

У девушки было нежное, очень красивое лицо, миндалевидные глаза светло-зеленого цвета, и золотые роскошные

волосы, огненной рекой льющиеся по плечам.

Прекрасная фигура, стройные ноги, гладкая кожа — не удивительно, что этот хам, принц, соблазнился!

Когда сквозь тонкую сорочку на тебя смотрят два острых соска на ослепительно-роскошной груди, как не кинуться на них?

— Как на амбразуру, закрывая своей грудью, — пробормотала девушка. — Эвита, теперь меня Эвитой зовут... Да, Эвита, ты круглая дура! Принц принцем, он, конечно, козел, но из-за него отказываться от такой роскошной задницы? А сможешь ли ты в новой жизни отрастить такую? Вопрос!

Наскоро расчесав волосы и приправ их в узел на затылке, Эвита поспешила избавиться от разодранной рубашки и одеться.

Но легко сказать — одеться!

Королева, свирепствуя, утащила все. А то, что оставила, испортила.

— Какая же завистливая старая мерзавка! — багровея от злости, шипела Эвита, рассматривая порванную одежду. — Даже в трусах порылась! Нет, серьезно?! Она хочет нацепить мои парадные панталоны с рюшками на свою усохшую старую задницу?! Своих, что ли, нет? Бедная?

Пришлось выкручиваться и надевать то, что более-менее уцелело.

У жемчужно-серого скромного бархатного платья старая мерзавка, кажется, отпорол кружевной воротник и срезала

жемчужные бусины, украшающие лиф. Но в целом, платье было целым — его Эвита и надела.

И к моменту, когда пришел принц, она была совершенно готова.

Даже успела одеть сестренку — благо, старая королева не догадалась порыться в детских вещах, хотя там тоже было немало драгоценностей.

Принца Эвита встретила, покорно сложив ручки на животе и опустив голову.

Но принц ее скромностью остался недоволен.

Он ворвался в ее комнату, стремительный, грозный и шумный.

Его одежда казалась чем-то вроде черных кожаных доспехов, и маленькая сестренка, оробев, спряталась за спину Эвиты и изготовилась зареветь.

— Это что еще такое?!

Лицо принца исказилось от отвращения, когда он смотрел на серое платье Эвиты, кое-где даже аккуратно заштопанное. Старуха-королева славно потрудились, вырывая жемчуг с ткани. Кое-где даже поработала ножницами.

— Выглядишь, как бедная родственница! Нет, хуже — как нищенка! Я, кажется, ясно выразился: рядом со мной должна быть самая роскошная женщина, а не унылая голодная церковная мышь-праведница, завернутая в паутину!

— Вам следовало сказать это немного раньше, — смиренно, не поднимая глаз, произнесла Эвита, — и не мне, а ко-

ролеве-матери. Она испортила мне всю одежду.

Принц промолчал.

Только засопел, агрессивно и шумно, и упрямо и гневно задрал подбородок.

— Выйти с этим чучелом к людям?! — выпалил он. — Ни за что!

— Эвита не чучело! — храбро выступив вперед, выкрикнула малышка, и принц свысока глянул на нее.

— А юная герцогиня что тут делает? — холодно осведомился он, свысока, сквозь полуопущенные ресницы глядя на девочку. — Разве вам не сказали, что юные девушки обязаны учиться с ранних лет? И даже отъезд из отчего дома не повод отлынивать от занятий?

Малышка замерла, раскрыв рот.

Кажется, она даже испугаться забыла, залюбовавшись красивым и грозным лицом принца. И то, что он обращался к ней, как к взрослой девушке, здорово ей польстило.

«Вот же засранец! — изумленно ахнула Эвита. — До чего хитер! Просто звериное чутье, знает, как и чем можно поразить любую женщину, сколько б лет той ни было!»

— У меня нет ни класса, ни письменных принадлежностей! — храбро выкрикнула девчонка, выступив из-за спины сестры.

«Как мотылек на свет, — отметила про себя Эвита. — А ведь он ничего не делает. Просто стоит... такой грозный, такой красивый и сильный... вот же гад!»

— Я уступлю вам свои, — невероятно сдержанно и вежливо произнес принц, чуть склонив голову. — Сегодня у меня должен был состояться первый урок по лиданийскому языку, но, кажется, его придется отменить. Эй, там! Займитесь юной герцогиней! И велите явиться сюда распорядителю двора, черт его дер!

— Не ругайтесь, — строго произнесла девочка, указав на принца пальчиком. — Это неприлично. Во-первых, при дамах приличные молодые люди не ругаются. А во-вторых, сквернословящим после смерти демоны сдирают кожу с языка и заставляют произнести все те бранные слова, которыми сквернословящий оскорбил свои уста при жизни. А могут и совсем отрезать. За плохие деяния.

— Вот как, — брови принца удивленно взлетели вверх.

— Такой большой, — сурово, осуждающе произнесла девочка. — Вам пора бы знать это.

— Я это учту, — принц снова вежливо поклонился. — Благодарю. Но, боюсь, демонов ждет разочарование. Так просто свой язык я им не отдам. А если немного постараться и как следует намылить им загривки, они и сами освоят несколько бранных слов. Ну, уведите же герцогиню, черт вас... поскорее, я хотел сказать. У меня дело к ее сестре. Доброго дня, юная герцогиня!

Он снова почтительно поклонился, и маленькая девчонка в окружении слуг вышла, гордо задрав нос.

— А вы умеете найти подход к детям, — выдохнула Эвита.

— Это всего лишь маленькая копия женщины, — огрызнулся принц. — Как с ними обращаться, я прекрасно осведомлен. Женщинам нравится чувствовать власть над мужчинами, даже если она и иллюзорна. Уступаешь в малом — выигрываешь большее. А я сейчас не намерен возиться с кричащей и плачущей девчонкой. Намного проще спровадить ее тихо.

— Мне вы тоже собрались уступать? — усмехнулась Эвита.

— Черта с два, — грубо ответил принц. — Только попробуйте пискнуть, и я велю вас высечь. Будете делать все, что я велю. И без фокусов.

К нему подступил, часто кланяясь, слуга, и принц коротко кивнул головой на девушку.

— Эту особу, — кратко велел принц, — надлежит в кратчайший срок одеть прилично, чтобы мне не было стыдно с ней выходить на люди. Черт! Что там нужно? Золото, камни? Берите в моей сокровищнице что нужно.

— Слушаюсь, ваше высочество, — ответил вышколенный слуга, и испарился так же незаметно и быстро, как появился. Эвита усмехнулась.

— Надолго ли? — скептически усмехнулась Эвита. — Ваша матушка опять наведается в мой шкаф, вот, считай, и нет ничего. Накладно будет каждый раз шить новый гардероб.

Принц уничтожающе посмотрел на нее.

— Ваш гардероб, — медленно произнес он, — будет по-

шит на мои средства, а значит, будет принадлежать именно мне. А мои вещи никто трогать, и тем паче забирать себе, не смеет. Даже королева-мать.

— Ух, как грозно! Но вам не кажется, что и меня надо было бы спросить?!

— Вы тоже моя вещь. И вас никто не спрашивает!

— Я человек! — вспыхнула Эвита. — У меня есть душа, мысли, чувства, и чувство собственного достоинства! Мне не нужны ваши подачки!

— Это не подачка. Я ведь ухаживаю за своими лошадьми и охотничьими псами. Вот, считайте, это то же самое.

— Вы умеете причинять только боль!

Принц смерил ее насмешливым взглядом.

— Все еще болит? — деланно изумился он. — Подуть? Пожалеть?

Вмиг Эвита ощутила на своей талии его жесткие ладони, а затем полет и приземление прямо в подушки на постели.

— Пустите сейчас же! — заверещала она, чувствуя, как принц грубо раскидывает ее юбки, добираясь до голого тела.

«Как некстати его мамаша сперла мои трусы!» — мелькнуло в ее мозгу.

Он навалился тяжелой тушей, душа.

Эвита вскрикивала, задыхаясь.

А принц словно обезумел.

«Пожалеть?» — это ласковое, кроткое слово так не вязалось с тем, что он делал сейчас, своими беспощадными ру-

ками.

Треснула ткань платья, Обнаженных ног Эвиты коснулся прохладный воздух, и девушка забилась под тяжелым телом мужчины, чувствуя, как он рывками стаскивает с ее ног чулки.

— Что вы вытворяете!

— Обездвиживаю противника, — просопел он, пребольно ухватив ее ногу за лодыжку и мастерски, в один миг, загибая на ней петлю из чулка. — Это первое умение, которое нужно воину. Но и в мирной жизни оно очень полезно, если применить немного фантазии.

Эвита, которая была настроена сопротивляться долго, до конца, до последней капли своих сил, и глазом не успела моргнуть, как принц ее собственными чулками обвязал ее ноги и задрал их, подтянув к спинке кровати и широко разведя в стороны.

Тяжко дыша, Эвита обнаружила себя в очень унижительной и стыдной позе.

Она лежала на спине, с разведенными до боли ногами, голым задом кверху, с открытым лоном.

— Отпустите меня немедленно! — заверещала она, стараясь подрыгать ногами.

Но вышло только хуже.

От каждого ее движения ее зад задирался выше, и раскрытые прелести так и мелькали перед самым лицом принца, который сидел на коленях перед нею, переводя дух после

короткой, но жесткой борьбы.

Увидев, как она бьется, он расхохотался, скаля крепкие белые зубы, и неспешно отстегнул плащ.

— Полна сил, — отметил он, глядя, как Эвита, покрасневшая от прилившей к лицу крови, крутится в неудобном положении. — Овладевать подвижной женщиной куда интереснее, чем вялой и еле дышащей.

— Мерзавец!

Принц осторожно положил ладони на ее дрыгающийся голый зад, чуть растянул ягодицы, открывая для себя соблазнительный вид на дырочки ее тела.

— Идеальная! — прошептал он, поглаживая ее дергающиеся бедра, розовое лоно.

Паршивец даже не снял перчаток. Грубая жёсткая кожа чуть царапала нежные бедра девушки. Эвита ощущала каждое прикосновение так остро, будто он водил по обнаженным нервам, и вскрикивала.

Но самое страшное — и это унижительное положение, и неторопливость принца, и то, как он рассматривает ее тело, и его властные, хозяйские касания — все это странным образом возбуждало девушку.

Пальцы скользнули между ног Эвиты, она попыталась сжать колени, отчего ее лишь подтянуло выше, к его склоненному лицу, и он снова тихо и угрожающе рассмеялся.

— Да, детка, так, — прошептал он, стаскивая с руки перчатку и швыряя на пол. — Мне нравится, какая ты живень-

кая...

Его горячие ладони легли на ее мягкие колышущиеся ягодицы, снова растаскивая их, и принц, склонившись, жадно, по-волчьи, лизнул раскрытое перед ним тело.

От самого подрагивающего, сжимающегося ануса, до лона, ставшего отчего-то подозрительно влажным.

— Какая розовая, — пророкотал принц, отстранившись от тела постанывающей девушки и неторопливо поглаживая большим пальцем чувствительную дырочку ее лона, растирая выступившую прозрачную смазку по чуть припухшим губам. — Какая нежная...

— Ненавижу! — яростно выдохнула Эвита, суча ногами, и принц, усмехнувшись, шлепнул ее по заду, оставив на белой коже алый отпечаток своей ладони.

— Еще одно неуважительное слово, — произнес он, — и я заткну вам рот и руки выверну.

— Мерзавец!!!

— М-м-м, а вы затейница! Предпочитаете пожестче? Наверняка да, иначе зачем нарываться после ясного предупреждения. Ну, желание дамы — закон.

Не успела она и пискнуть, как он запустил ей руку на грудь, с треском рванул серую ткань платья, освобождая груди. Шлепнул по ним, заставив соблазнительно колыхаться и снова вырвав крик из ее напряженного горла.

Эвита вскрикнула, и принц тотчас же перехватил и связал ее руки, которыми она попыталась прикрыть наготу. И тоже

подтянул их к спинке кровати.

— Рот оставлю свободным, — шепнул он озорно, глядя в ее полные стыда глаза. — Мне нравится, когда ты отпускаешь в мой адрес грязные словечки.

— Грязное похотливое животное!!

— О да, детка. Еще. Это так меня заводит!

Он снова склонился над ее раскрытым лоном и припал губами к напряженному бугорку клитора, отчего по ее телу пронеслась горячая волна адреналинового возбуждения, и девушка шумно ахнула.

— Ты выглядишь непередаваемо невинно, — сообщил принц, поглаживая дрожащие бедра девушки. — И чертовски соблазнительно. Тобой хочется любоваться и любоваться. Интересно, какова ты на вкус...

— Не смейте меня трогать! — выкрикнула Эвита. И получила чувствительный укус за нежную внутреннюю поверхность бедра.

— Подлец! — заверещала она, извиваясь от боли, чувствуя, что он не разжимает зубов, не отпускает прикушенной кожи.

Боль возбуждающим холодком прокатилась по ее телу, по напряженным нервам, Эвита замерла, боясь двинуться, чтобы крепкие зубы принца не надорвали ее кожи — и почти тотчас взбрыкнула снова, чувствуя, как его палец поглаживает ее сжавшееся лоно.

— Не надо! Не надо!

Посмеиваясь, принц снова припал к ее клитору губами и принялся ласкать и гладить его языком, так умело, так соблазнительно и долго, что девушка не вынесла.

Ее разведенные в стороны ноги дрогнули, она шумно ахнула и завозилась, пытаясь отстраниться. Но стоило ей опустить немного зад, как этот тотчас отдалось болью в растянутых ногах. Единственное движение, что ей было доступно — вверх и вперед, отчего она только сильнее прижалась совершенно мокрым лоном к ласкающему ее языку, и заверещала, не скрывая уже своего возбуждения.

— Достаточно, достаточно!

— Достаточно? Да мы только начали!

Он покрыл жадными поцелуями ее дрожащие бедра, оставляя мягкие влажные следы на коже, прихватывая горячим ртом податливую плоть. Несколько раз с жаром поцеловал меж разведенных ног, лаская языком покрасневшие от возбуждения половые губы девушки.

Упиваясь пряным запахом ее возбуждения, ослепленный и опьяненный желанием, обнял округлые ягодицы девушки и несколько раз томно, долго, крепко лизнул ее лоно, влажные губы, до тех пор, пока они сами не раскрылись перед ним, как бутон цветка.

— Хватит. Хватит! — молила девушка, мечась на постели.

Его язык погрузился в ее чувствительную дырочку, и она

застонала, стиснув зубы, зажмурив глаза, чтобы он не увидел наслаждения, что плескалось в ее глазах.

— Моя строптивая чистокровная кобылка... ну, побрыкайся еще! Мне нравится, как ты сопротивляешься! Чистая девочка...

Его большой палец прижал сочащуюся ароматной влагой дырочку, погладил ее, тревожа, добиваясь, чтобы из напряженного горла девушки вместе с горячим дыханием вырвался жалкий стон.

Эвита металась, извивалась, рвалась из пут.

Наслаждение, вспыхивающее огненными вспышками в ее теле, перемешивалось с болью. Девушка мучительно балансировала на грани, ощущая, как удовольствие то накатывает на нее, охватывая мелкими спазмами тело под ласкающими губами принца, то отодвигается, оставляя после себя тяжесть в животе и истому, требующую еще и еще ласки.

— Хватит...

Принц не сказал ничего в ответ. Только плотнее прижался лицом к женскому телу, языком поглаживая упругий клитор.

Ему хотелось надышаться ее запахом до головокружения, исцеловать ее тонкую кожу до алых пятен, искусать, чтоб послушаться ее криков, всхлипов и стонов.

Его большой палец, разглаживая сливочную влагу во впадинке меж ног, отыскал вход в лоно и жестко погрузился в него.

Девушка вскрикнула, вскинулась и зарычала, дрожа всем

натянутым, как струна, телом.

Его губы все так же безжалостно ласкали ее, до жжения, до неумной дрожи, а палец погружался в податливое тело, тревожа чувствительный вход, заставляя девушку вскрикивать, рычать, переживая острое наслаждения и поскуливать, невольно виляя бедрами вслед за ласкающей ее рукой.

— О да, вот тут... — пробормотал мужчина, затуманенными глазами наблюдая, как девушка стонет и бьется. — Вот тут будет хорошо... не молчи, девочка! Ну же, больше страсти!

— Мерзавец! — выдохнула Эвита, и принц, усмехнувшись, жестко погрузил в ее тело пару пальцев, растягивая нежные ткани.

— Сможешь повторить?

Его пальцы отыскивали какую-то особо чувствительную точку, которая просто пульсировала желание.

Девушка задрожала, как в лихорадке, рыча, напрягая растянутые ноги, когда его пальцы неторопливо и настойчиво погладили это местечко, наливающееся удовольствием и обжигающим жаром, и снова попыталась высвободиться, но тщетно.

Его пальцы погружались в ее тело с влажными звуками, массировали, поглаживали, тревожили ее чувствительное местечко, и девушка взвизгивала, поджимая пальцы на ногах, отчаянно вцепившись связанными руками в путы.

Сил сопротивляться у нее уже не было.

Мягкая ласка перемежалась с грубыми, глубокими, жесткими проникновениями, сводя девушку с ума. Она чувствовала, как удовольствие наполняет ее всю, затопив все ее существо.

Она сходила с ума, и, позабыв обо всяком стеснении, виляя бедрами, сама терлась об ласкающий ее язык, пока удовольствие не накатило на ее тело частыми сильными спазмами и не брызнуло слезами из глаз.

— Мерзавец... — еле выдохнула девушка.

Сил на то, чтобы открыть глаза, у нее не было.

Она лежала растерзанная, вздрагивающая даже от прикосновений воздуха к коже.

Тело ее полно было истомы, и руки принца на ее лоне, все еще сокращающемся в сладких спазмах, казались естественным дополнением к ее невероятному, космическому удовольствию, но...

«Шесть ноль за технику и артистичность, — подумала девушка, облизнув припухшие губы. — И все испортить своей жестокостью! Вы же не деревья валите, и не ядра в пушку забиваете, ваше высочество!»

Принц был невероятно хорошим любовником.

Казалось, он вместе с Эвитой был опьянен близостью и наслаждением.

Вот только после страстной возни он тотчас поднялся, оправил одежду, которую так и не снял, и деловито освободо-

дил девушку, разрубив ее чулки короткими взмахами ножа. Металл звонко высек на дереве изголовья кровати две зарубки.

Эвита подняла голову и увидела, что резное дерево сплошь изукрашено такими засечками.

Тут, видимо, частенько кого-то обездвигивали.

От обиды девушка закусила губу.

Говорить о том, что его вдруг обуяла внезапная страсть, не приходилось.

Все это, ласки, поцелуи, касания, он делал со знанием дела, холодно, расчетливо и последовательно.

И вовсе не потому, что хотел ее, Эвиту.

Скорее нет, чем да.

— Могла бы быть и поизобретательнее в ругательствах — усмехнулся принц, выслушав ее брань. — Неужто лень проявить фантазию? За мои-то старания!

Голос его звучал холодно, жестко, насмешливо.
 это совсем не вязалось с тем, что принц только что вытворял.

«Да, обращаться с женским телом он умеет в совершенстве, — подумала Эвита. — В этом деле его язык натренирован. Странно, что он прежде научился им владеть... подобным образом. А говорить по-человечески до сих пор не умеет».

— Я ненавижу... вас...

Принц снова усмехнулся.

— Это первое впечатление, оно часто бывает ошибочным.

Пройдет.

— Какой же вы негодяй... вы что, думаете — пару раз переспите с девушкой, и она уже ваша?! И будет петь вам дифирамбы?!

Принц и бровью не повел.

— Вообще-то, — преспокойно заметил он, отходя от постели, словно все, что на ней происходило, глубоко ему неприятно. — До сих пор так и было.

«Наверное, так и есть. Ему ж еще жениться на какой-то там линиялой корове, ой, то есть, на женщине, которую он не знает, не уважает, и, вероятно, видел всего пару раз в жизни. Что ж, супружеский долг он будет выполнять исправно и качественно. Даже блестяще. Вот с остальным... не повезет!»

И она не могла понять, кому из молодых супругов не повезет больше, невесте, к которой принц испытывает брезгливое отвращение, или ему самому.

Принц выглядел спокойным, но черт подери, сильный и красивый, он вынужден был кротко подчиниться воле королевы, затеявшей этот политически выгодный брак!

И ничего с этим не сделать.

«Наверное, поэтому и бесится!»

— Надутый самоуверенный индюк!

Принц одним прыжком оказался рядом с девушкой, ухватил ее, как тряпичную куклу. Так крепко сжал, что ее ребра хрустнули, и встряхнул, словно душу хотел вытрясти.

— Ты переходишь всякие границы в своей дерзости и

непочтительности! Послушай-ка, девочка, — прошипел он, раскаляясь от ярости. Его глаза стали алыми, да, да, это не почудилось перепуганной девушке. — Я поступаю с тобой еще по-доброму. Ты всего лишь маленькое глупое животное, красивый зверек. Ты нуждаешься в приручении, и я приручу тебя. Не желаешь по-доброму, будет по-плохому. Я умею делать больно. И заставлять делать то, что мне нужно тоже умею.

— В этом я вполне убедилась! — отважно выкрикнула в искаженное от ярости лицо мужчины Эвита.

На этот смелый выпад он только яростнее встряхнул ее.

— Да что ты?! — прошипел он. — Когда же успела, я ведь еще не начинал?!

— Насилие над женщиной — это не считается?!

— О, не надо драм! — принц поморщился. — Не можешь же ты быть совсем круглой душой, даже такая хорошенькая. В головах красавиц должно же быть хоть немножечко мозгов? В первый раз всегда больно, а кое-кому и во второй, и в третий — если брыкается и получает пару хороших отрезвляющих оплеух. Твои няньки что, ничего тебе об этом не говорили?

— Они говорили мне о том, — яростно выкрикнула Эвита, — что мужчина не должен применять силу, если хочет благосклонности женщины! А в постели это вообще недопустимо! Даже принцу!

Глаза принца удивленно расширились.

— Что, что они тебе говорили? — подозрительно спросил он, и Эвита прикусила язычок. Она совершенно позабыла, где находится! А здесь, видимо, с женщинами не особо церемонятся... — Принцу нельзя брать то, что он хочет взять?! Это служанки герцога такое говорят?! Я посмотрю, они слишком многое себе позволяют! Какая дерзость! Какая спесь! Вообразили себе, что их тощие задницы слишком много стоят! Надо было выжечь все это поганое гнездо, не щадя никого! Чертово милосердие!

— Это, по-вашему, милосердие?!

— А что же еще, — сухо буркнул принц, выпуская девушку из рук и отталкивая ее от себя. — Я мог бы попытаться и жечь тебя, однако, ты до сих пор цела.

До Эвиты вдруг дошло, что принц, свирепый и эгоистичный человек, с ней действительно более чем мягок. И он сам высказал главную мысль — он хочет ее приручить!

Приручить к себе.

Заставить относиться к себе хорошо, вероятно, с симпатией.

Нормальные мужчины, конечно, за женщинами ухаживают, влюбляют в себя, женятся. Но тут не тот случай, принца, кажется, собираются женить на какой-то линялой кобыле, как он сам выразился.

Он не может обещаться Эвите.

Не может стать ее мужем.

И любви ее он не ищет. Даже не пытается притвориться,

что девушка ему нравится, хотя, конечно, он не слепой и видит, что она хороша собой.

Он приручает ее с использованием тех средств, которые освоил в совершенстве, последовательно и терпеливо, при этом испытывая по отношению к девушке чувство гадливости.

Отвращения.

Зачем тогда он отчаянно пытается стать любовником, хотя с его-то солдафонской прямоотой и грубостью лучше б денег предлагал, а не... половую дружбу.

Но зачем это ему?!

— Ты достаточно молодая и сильная кобылка, — угадав каким-то образом ее мысли, произнес принц, подбирая собственные разбросанные перчатки и неспешно натягивая их на руки. — Бастарды. Мне нужны дети от тебя. И если нам всем повезет, я обзаведусь крепкими сыновьями, а ты будешь свободна. Сама ты мне не нужна. Исполнишь мою волю — сможешь катиться ко всем чертям, к своему папаше, на край света, куда угодно!

Вот это поворот!

А жена?!

Глава 4. Будущая королева

Кажется, последние слова Эвита выпалила вслух.

Она была так изумлена, что принц, обернувшись на ее удивленный возглас, расхохотался, увидев, что только что изнасилованная им девушка сидит, раскрыв рот и тараща глаза. Напрочь позабыв о насилии и слезах.

— Вы ничего не перепутали? У вас молодая жена будет! — негодуя, выпалила девушка. — Королева в будущем, как я понимаю? Вот к ней и обращайтесь с этими вопросами! Все приличные короли так и делают!

— Да ты словно с луны свалилась, девочка, — весело ответил он, хотя в его глазах вновь закипела злоба и бессилие. — Молодая жена?! Наследники от нее?! Отец тебя что, в башне взаперти держал?

— Я-а-а, — проямлила Эвита, лихорадочно пытаясь сообразить, в чем подвох.

И она быстро сообразила.

Память Эвиты услужливо подкинула ей образ принцессы Лидании, высокой и светловолосой девушки.

Переспевшей девушки.

Девушки, перешедшей в разряд старых дев лет этак десять назад.

Но это не делало принцессу Лидании менее гордой.

Держалась она всегда прямо, высокомерно задрав голову.

Пожалуй, на этом ее достоинства заканчивались. Кроме королевской стати в ней не были ничего хорошего.

Ни-че-го.

Лицо у новоявленной невесты принца было длинное, скуластое, с чересчур острым костлявым подбородком.

Действительно какое-то лошадиное; тут принц не соврал.

Просто ляпнул первое, что пришло ему в голову при взгляде на девицу.

«Наблюдательность и прямота наш девиз, да?» — подумала Эвита.

Губы принцессы слишком коротки для больших, выпирающих вперед зубов. Эти губы были туго натянуты на рот, но как бы принцесса не старалась, до конца закрыть его ей не удавалось.

Глаза темные, запавшие, глубоко посаженные в глазницы.

Нос острый, костлявый.

Светлые льняные волосы убраны в косы и упрятаны под покрывало.

В руках вечно какая-то книжица, вероятно, молитвенник.

Благочестие и достоинство — наверное, девица хотела выглядеть именно так в глазах смотрящих.

Но выглядела она совсем иначе.

Как обозленная на весь свет нелепая уродливая лошадь, которую зачем-то обрядили в платье, поставили на задние ноги, а в передние вручили книжку.

«Кобыла с букварем, — подумала Эвита, потрясенная. —

Притом презлая. Кажется... не уверена, но кажется, это о ней говорили, что она одержима святыми припадками? Как будто б она бьется в судорогах, пуская слюни, мычит что-то. А потом, когда приходит в себя, рассказывает о своих видениях. И велит казнить с особой жестокостью тех, кого видела в припадочном бреду? А что, если она в бреду мужа увидит?! И бочку на него покатит?! Скажет — ату его, он вообще демон! И вот был король, и нет короля. Сгорел на работе. Да уж, повезло красавчику с невестой... этакое добро, и даром в руки плывет! Надо брать, как же! Дайте два!»

Пиинцессин недуг, кажется, и был причиной того, что она не вышла замуж.

Но та этого словно не понимала.

Она важничала по-прежнему, высокомерно задирала нос, да так, что ее крохотные глазки закатывались под нездорово-прозрачные веки.

И всем говорила, что ее счастье, ее суженный еще просто не нашелся.

— Нет того, кто оценил бы меня по достоинству, — шепелявила она своим слюнявым, незакрывающимся ртом. — А мне не нужен кто попало! Только самый достойный!

Еще и юродивая, судя по всем, о господи...

Вот, дождалась, значит.

«Отхватила самого достойного, — с долей жалости подумала девушка рассматривая принца в который раз. — Блин, ну ты и попал, высочество! Реально, красивый же мужик. И

достанется этой чокнутой. Раз в год и палка стреляет. А в нашем случае полудохлая кобыла обошла в скачках фаворитов и выиграла главный приз. Самого горячего племенного и породистого жеребчика!»

Принц насмешливо фыркнул, словно услышал и эти ее мысли, но смолчал.

— Разбавлять собственную кровь этой тухлой, холодной, рыбьей, просто преступление, ты не находишь? — насмешливо произнес принц, посматривая на девушку из-под черных ресниц. — Да и сможет ли родить будущая королева? Она уже не молода; больна. Что за дети от нее получатся, если получатся? Дебилы, пускающие слюни? Нет, благодарю покорно. Мне не нужны такие щенки. Я собрал бы в их всех в мешок и потопил бы в проруби.

«Черт! Не смотри на меня так! — про себя ругнулась Эвита. — По-хорошему, мне б тебя валенком отлупить за твои мерзкие поступки и еще более гадкие слова. Но когда ты так смотришь, вашество, я просто помираю. Какой вкрадчивый, ласковый взгляд... а ты преуспел в искусстве притворства, голубчик! Ну, чисто щенок сенбернара, ангел светлый!»

— Но будущая королева! Как вы ей объясните наличие у вас бастардов?!

— Скажу, что это ее дети.

— Что?!

— Она же ненормальная. Поверит. Скажу, что ангелы принесли.

— Вы еще скажите, что в капусте нашли! — негодуя, воскликнула Эвита.

— Можно и так. В крайнем случае, вечером заставил бы ее как следует помолиться, а поутру, на прогулке, она нашла б младенца под кустом роз. Бог послал!

— Офигеть... — выдохнула изумленная Эвита.

— Что?!

— Ничего! Неужто принцесса так плоха?!

Принц саркастически расхохотался.

— Тебя точно отец в башне держал, — едко заметил он. — Все Цветущие Королевства знают, что она нет-нет, да ссытся по ночам в постель.

«Матерь божья, — обмирая от откровений принца, подумала Эвита, хватаясь за голову. — Теперь понятно, почему он злой такой. Родная мать хочет его женить на этом чучеле! За что?! Зачем?! Зачем?!»

— Но зачем вашей матери это?! — произнесла девушка. — Она же не может не понимать, что это жестоко! Это бесчеловечно! Подсовывать больную девушку! Это... мне очень, очень жаль, но...

Глаза принца блеснули, как два черных агата.

— Замолчи! — рыкнул он яростно. — Я не нуждаюсь в твоей жалости!

«О, вашество... А свабеда-то тебя больно цепляет! Якорем за яйца просто... да я все понимаю».

Принц словно с цепи сорвался, заходил нервно, яростно

сжимая кулаки.

Сильный, нет — все сильный, наверняка пугающий своей мощью и яростью все королевства, тут он был бессилён что-либо изменить, и вынужден был покориться.

Покорно встать на колени в храме, склонить голову, и пообещать безумной больной.

И слова жалости из уст растерзанной им девушки резали по живому, терзали болью и унижали его.

— Выгодный военный союз, — сухо ответил он, наконец. — Именно войска лиданийского короля штурмовали вашу крепость и перебили ее защитников. Мы многим обязаны ему.

— Стоило это того?! — едко поинтересовалась Эвита. — Завоевать полмира, чтобы... взять себе самую погань?! Ради руки этой прекрасной принцессы вы воевали, вашество?

Принц злобно засопел.

— Я воюю во имя здравствующей королевы, — рыкнул он. В голосе его сквозила лютое иступление, злоба и горечь. — Моей матери! Я всего лишь точный инструмент в ее руках! А брак — мой долг перед королевством! Я рожден для того, чтобы служить трону и процветанию государства!

— Не всегда послушный инструмент-то! — съязвила Эвита, припоминая принцу его перепалку с матерью. — Смотрите, как бы во время консумации брака инструмент не подкачал. Чернила там кончатся, или еще что.

Он пропустил этот выпад мимо ушей.

— На троне будет сидеть юродивая кукла, — отчеканил принц яростно. — А в постели у меня будет любая, на какую ты посмотришь. Ну, а детей родишь ты.

— Но почему я?! — воскликнула Эвита.

Лицо принца тотчас стало холодным, злым.

— Потому что я так захотел, — стервозно ответил он. — Этого мало? Или служанки тебе что-то другое и на этот счет говорили?

— И сестренку... — девушка ухватила за сердце, сраженная догадкой.

Принц кратко кивнул:

— Если ты не подойдешь.

— Совесть имейте! Она же совсем дитя! Ей только шесть лет!

— Ничего. Я не тороплюсь, — холодно ответил он. — Через десять лет ей будет шестнадцать. Вполне годна для того, чтоб рожать.

— О, монстр!

Принц самодовольно усмехнулся.

— Вот и избавь сестренку от этой судьбы, — произнёс он. — В твоих интересах согласиться и выполнить то, что я от тебя прошу. Большого я от тебя не потребую. В конце концов, я предлагаю тебе честную сделку.

— Сделку?! Родить детей — это что, все равно, что табуретку по объявлению продать?!

— Что?!

— Ничего! Я говорю о том, что дети — это же... дети! Мои дети! Я будут чувствовать по отношению к ним любовь, нежность... я не смогу их просто так отдать кому-то!

— Не кому-то, а родному отцу, — холодно ответил принц.

Нет, в целом, все логично...

Он принц, берет то, что хочет.

Но все равно кое-что цепляло, не давало покоя.

Почему для своих целей он запросил девушек из дома злейшего врага? И ведь не одну Эвиту, а обеих сестер, на случай, если «со старшей ничего не получится».

Можно было б списать все на его романтические чувства, которые принц в силу своей эгоистичности и жестокости проявляет как умеет. В конце концов, Эвита очень красивая девушка. Это и сам принц отмечает, исследуя ее тело!

Но!

Сестренка.

Которую он приберег на всякий случай!

«Не вяжется, не вяжется, — лихорадочно думала Эвита. — Строптивного герцога хотел наказать? Ну, уж нет! Вариант с бочкой и сожжением больше для наказания подходит! А тут принц прямо говорит — твои дети мне нужны, чтоб на трон посадить после себя. Ничего себе, наказание! Потомки злейшего врага!»

Тут Эвита глянула на принца так, словно впервые его видела.

Словно и в магической памяти, доставшейся ей вместе с телом девушки-герцогини, не было и следа, оставленного этим мужчиной.

Когда принц не болтал всю ту злобную чушь, которой он запугивал Эвиту, он казался вполне вменяемым. Не одержимым маньяком.

Угрюмым и сердитым, но не злобным.

Складывалось впечатление, что ему вообще плевать на герцога. Даже если принц и разнес его крепости, и самому ему наступил на горло, победив в бою и обезоружив.

Девушка вдруг с изумлением поняла, что и причины вражды она не знает.

В памяти не было ни единого объяснения этому.

Ни одного вообще.

Огромный кусок воспоминаний словно стерли напрочь. Вырвали.

Вот яркие картинки из детства и отрочества Эвиты, розы, светлые блики на каменных стенах замка — и вот сразу же ужас войны, страх, холод, пламя и ненависть.

Почему сцепились богатые дома королевства?

За что сражались, что не поделили?

«По голове, что ли, герцогиньку-то тюкнули, прежде чем я в ее тело попала? — размышляла девушка. — Нет, ну как-то интересно, точно тюкнули. Тут помню, тут не помню. Спросить у кого? Ага, и подумают, что я тоже свихнулась, как и эта... полинялая кобыла. И тогда, кто знает, точно, не

засадит ли принц меня в бочку! Сумасшедшие-то дамочки ему не нужны...»

За дверями снова послышался знакомый визгливый голос, и принц заметно вздрогнул.

«О, а вот и мамка подросла! — подумала девушка, обреченно вздохнув. — Сейчас снова верещать будет... стоп! Она что, пасет своего великовозрастного сына?! Да наверняка! Бдит, чтобы он не оставался надолго со мной! Чуть что — бежит со всех ног и отгоняет его высочество. Она и к началу-то представления опоздала лишь потому, что слишком рано. Спала еще, небось, когда наушники доложили, что принц снова около меня трется!»

Принц метнул огненный острый взгляд на двери, за которыми уже бушевала королева.

Он ухватил Эвиту за руку, рванул ее к себе, словно хотел обнять и...

Эвита вдруг ощутила себя крохотной и легкой.

Золотой пылинкой она танцевала в теплом утреннем луче, пронизывающем комнату.

«Что это такое?! — ахнула она, но слов своих не услышала. — Час от часу не легче! Как это?! Волшебство, магия?! Мало мне переселения душ, но это хоть как-то можно объяснить, этим люди грезят всю историю человечества! Но вот это?! Так, спокойно! Может, я вчера грибы ела, с жареной картошкой? А они оказались совсем не полезные для организма?!»

— Сию минуту откройте! — бушевала королева за дверями.

Принц спокойно оглядел комнату, подобрал разрезанные чулки и сунул их в карман. Только после этого шагнул к дверям и повернул ключ в скважине.

Королева ворвалась в комнату, как смерч.

Одета она была наспех, волосы ее, расчесанные, но не прибранные в косы, лежали медовыми реками на плечах.

— Вы снова у нее, ваше высочество! — стискивая костлявые пальцы в кулак, прошипела королева, сузив глаза до двух щелок. Весь ее вид так и сочился ядом. — Где она?! Куда вы ее прячете!?

Принц насмешливо изогнул бровь и усмехнулся более чем ядовито.

— Кого вы рассчитываете тут найти, ваше величество? — спросил он едко.

— Эту потаскуху! — шипела королева, оглядывая все углы, порываясь заглянуть под кровать. — О, я прекрасно знаю ваше коварство, дорогой сын! Вы не пропустите ни единой юбки, но я, кажется, ясно дала вам понять, что не потерплю, чтобы вы лезли конкретно под эту юбку!

— Я и не лезу, — спокойно ответил принц.

«Потому что уже залез! — ядовито подумала Эвита, летая в теплом потоке воздуха над его головой. — Впился, как... клещ!»

— Где она, где?! —

Растрепанная королева даже сипела от ярости, мечась по комнате.

— Да кто вам нужен, королева-мать, — сухо произнес принц, наблюдая за ее поисками. — Юную герцогиню я отослал с учителями в учебный класс, а ее сестру направил к портному, черт вас дери! После вашего обыска она же осталась... голой!

В его голосе прогремела ярость, и королева, услышав это, успокоилась, словно дразнить и доводить принца было для нее любимым делом, да и вообще целью жизни.

— Как прикажете с ней общаться, если она из постели вылезти не может? — продолжал ругаться принц.

— Этот обыск был необходим, — с недобрый удовлетворением произнесла королева, разглаживая узловатыми пальцами платье на животе. Словно сожрала кого-то и теперь с удовольствием переваривает добычу. — В ее вещах мог быть припрятан талисман. Магический амулет. Еретическая грязь, колдовство, грех!

Она заохала, словно от глубокого горя, и несколько раз ударила себя по губам, словно наказывая свои губы за произнесённое слово «колдовство».

— В трусах вшит, — подсказал непочтительный принц. — Ваш обыск будет стоить мне круглую сумму. Потрудитесь потом оплатить мне мои расходы. Все, что я потрачу на то, чтобы одеть герцогиню.

Королева снова окрысилась.

— С нее достаточно было бы и монашеской рясы! — заорала она, багровея. — Этому грязному отродью не в шелках надо ходить, а каяться за свои грехи, за свою порченную магией кровь, за свою черную душу!

Эвита слушала — и немела от изумления.

«Амулеты? — оторопело думала она. — Талисманы? Магия? Каяться?! Это после фокусов, которые выкидывает его высочество, каяться нужно мне?! Так-та-а-ак... а маменька-то знает, что сынок у нее тоже порченный удался? Или королям можно? Но, судя по тому, как эта старая сушеная щука мечет икру, нельзя никому... Так что ж выходит?!»

Эвита, судя по всему, девушка была не глупая, а Маша ей не уступала. Как говорят? Одна голова хорошо, а две лучше?

Вот в две головы, доставшимися ей от магии, девушка и сложила два и два.

«Герцога-то прищучили, скорее всего, за колдовство, — думала она лихорадочно. — И не за навет, не за наговор, а за вполне себе реальное. Королева-мамка вон как бьется в припадке. Ненавидит магов! Вот и пошла войной, истребила. Если Эвита не помнит причины войны, значит, магический дар у нее или удален, или... как-то стерт из памяти. Что-то, в общем, сделали. Вот и принца женят на кобыле, потому что от нее гарантировано магов не родится. А магия, видимо, по наследству передается?»

Принц, словно услышав ее мысли, многозначительно взглянул вверх, в светлый луч, где Эвита летала мелкой золотой

точкой, и девушка снова вскрикнула, понимая, что и мысли ее принц вполне читает.

«Вот зачем ему я! — подумала Эвита в панике. — Потомство он хочет магическое! Победитель магов в этой войне сам такой! Сам маг! Да еще похлеще других будет! Как это мамка просмотрела такое в собственном доме?!»

«Хризалида, — раздался в ее голове насмешливый голос принца. — Я — талантливая хризалида. Я умею скрывать свой дар».

«Отлично, ваше высочество! — еле переведя дух, произнесла Эвита. — Но передо мной вы раскрылись! Как теперь выкручиваться станете?»

— Что вообще за странный каприз, — брюзжала королева. — Зачем было тащить эту... мерзость в дом?! Как будто кто-то другой не может обучить вас языку!

— Что в этом такого? — невинно ответил принц. — Дочери герцога — это мой военный трофей. Военными трофеями принято хвастаться и любоваться.

— Магической ересью!.. — шипела королева, сжимая кулаки. — А не трофеями!

Принц и ухом не повел.

«О-о-о, ваше высочество! — насмешливо заметила Эвита, летая над головой принца. — А яйца-то у вас стальные. Узнай ваша матушка о ваших суперспособностях, человек-паук вы мой, она и вас бы не пощадила, так? И каково это, каждый день слышать от собственной матери эту злоб-

ную словесную рвоту?»

«Я в вашей жалости не нуждаюсь», — зло отчеканил принц.

— У них же, как будто, вырезаны магические способности, разве нет? — преспокойно заметил он. — Кобра лишена своих ядовитых зубов. Я сам видел королевское клеймо. Ваш еретик-чернокнижник постарался на славу. Что вы так переживаете?

Эвита ахнула; в памяти ее воскресло какое-то видение, ожегшее болью, сильной болью. Всплыла в воспоминаниях картинка — глубокий, дымящийся черный ожог, наливающийся отеком.

Ожог в виде красивой трехлепестковой лилии. Изящный, маленький.

Изящное рабское клеймо.

На бедре, выше колена.

Там, где мужчинам смотреть неприлично.

Там, где не осмелился бы ее тронуть ни один солдат.

Ни один вельможа.

Никто вообще.

Кроме этого жестокого и властного человека.

Принца.

«Вы что, клеймили меня?! — ахнула Эвита. — Клеймили своей печатью, как корову какую-то?! Вы! Это вы сделали, лично! А никакой не чернокнижник!»

Принц и ухом не повел.

Смотреть на него стало невыносимо.

Эвиту всю трясло, она не могла унять дрожь. Та пробира-
ла ее до самых костей, девушке показалось, что ее охватил
какой-то приступ. Паника накрыла ее с головой, дышать ста-
ло трудно.

«Ненавижу! Как же я ненавижу вас! — выдохнула она.
— С вами у меня связано одно лишь воспоминание — уни-
зительная боль! Я ненавижу вас, слышите?! Слышите, вы?!
Кровопийца! Как у вас рука поднялась?! Если вы сами маг,
то как вы могли искалечить такого же, как вы, человека?!
Хотели уничтожить всех, чтобы остаться единственным и
самым сильным?! Отняли дар лично вы! Сами! Насильно!
Это вам доставило удовольствие?! Слышать вопли жертвы?!
Причинять боль?! Извращенец! Гнусный извращенец! Ма-
ньяк! Что вы молчите?! Чудовище! Палач! Кровопийца!»

Принц молчал.

Только на щеках его расцвели пунцовые пятна, как от зло-
сти, да на губах заиграла мерзкая улыбочка.

— Помнится, на поле боя вам не требовался переводчик,
когда вы посылали лиданийцев в бой! — не унималась ко-
ролева.

«А свои мыслительные способности вы, вашество, от мам-
ки унаследовали? Смотри, какая умная! Вообще-то, она
очень права. Воевать бок о бок с людьми, и не знать их язы-
ка? Что-то тут не вяжется. Снова врете, вашество? Еще и
лгун! Да вы весь сотканы из пороков! Хитрый, жестокий,

расчетливый говнюк! Не принц, а интриган и негодяй! »

— Я с ними шел в бой, а не разговаривал о высоких материях, — едко ответил принц. — И уж точно не ухаживал ни за одним из них, пытаюсь сделать предложение.

Королева злобно оскалилась.

Она подошла вплотную к принцу, заглянула в его глаза так пристально и страшно, что даже Эвите, летающей в отдалении от королевы, стало жутко.

— Ваше высочество, — процедила старуха злобно, — не забывайте, кому вы служите! Если я хотя бы заподозрю вас!.. Если вы посмеете что-то задумать, вам пощады не будет! Танцуйте ваши танцы, учите языки, декламируйте стихи, или что вы там хотите декламировать, но никогда, слышите, никогда не смейте смотреть на эту девчонку как на... чело- века.

— Как на женщину, вы хотели сказать, — угодливо подсказал принц.

— Как на женщину, как на мужчину, как на осла, как на собаку, как на живое существо! — выпалила королева яростно.

— Однако, какая у вас богатая сексуальная фантазия! — расхохотался принц.

— Смейтесь, смейтесь, — прошипела королева недобро. — Это даже хорошо, что вы смеетесь и не понимаете всей серьезности моих угроз. Герцог угрожал вас изуродовать — так вот я так и поступлю, если узнаю, что вы посмели кос-

нуться этой девицы!

«Ай, ай, вашество! А во дворце нет, случаем, шпионов? — язвительно произнесла Эвита. — Если есть, то вам не поздоровится за ваши последние... ратные подвиги! Мамка вам обломает ваше... разящее копьё! И поделом вам будет!»

«Но и вам тоже не поздоровится, — невинно отозвался принц мысленно, тараща наглые глаза на мать. — Вам тоже. Вам — в первую очередь. Вы не блещете умственными способностями, например. Как вы думаете, почему вы слышите меня, герцогиня, если я опечатал и уничтожил ваш дар, м-м-м?»

Эвита смолкла, подавившись своими злыми речами. Мысли лихорадочно метались в ее голове.

Она четко вспомнила принца, то, как он напал на нее. Догнал в темном коридоре, где почти погасли факелы. Свалил на пол.

Эвита отбивалась, брыкалась, плакала и кричала, но совладать с сильным мужчиной не могла. Он бросил ее на живот, заломил руки за спину, неуважительно приложил коленом, связывая.

А потом бесцеремонно задрал юбку, обшарил спешно тело. И Эвита в ужасе подумала — вот оно, самое страшное. Бесчестье, позор. Насилие.

Она забрыкалась, заколотила ногами, заплакала.

— Черт, — хрипло ругнулся принц, — даже жаль портить такую красоту!

— Ничего, — раздался из-за его спины подлый, мерзкий голос. — Это скоро заживет, ваше высочество. И это будет просто девка, каких много. Вы с ней даже сможете поразвлечься как следует.

— Ради всего святого, нет! — завопила Эвита, извиваясь и заливаясь слезами.

— Дай-ка сюда факел, Жак, — велел принц. — Я хочу смотреть. Чтобы все прошло так, как надо.

— У меня не бывает осечек, — обиженно произнес тот, кого принц называл Жаком. В полумраке его черный силуэт был почти неразличим, сливался с темнотой.

Но приказ принца исполнил; снял факел со стены и поднес ближе к извивающейся жертве.

Принц деловито ощупал ноги верещащей Эвите, рывком повернул ее на бок, оголил бедро.

— Тут, — решительно произнес он. — Бей тут.

— Держите крепче, ваше высочество, — мерзко произнес Жак, посмеиваясь. — Она будет орать очень громко. И вырваться, хе-хе...

Дальше Эвита, почти впавшая в ступор от страха, не совсем поняла, что происходит.

Принц, склоняющийся над ней, вдруг одним сильным движением распрямился... как пущенная пружина, как тети́ва, как острая стрела, всем своим весом, всем телом ударил в грудь жуткого Жака.

Удар был такой силы, что Жака отбросило и разбило о стену.

Но этого было мало; в груди его, по самую рукоять, торчал кинжал.

Жак умер мгновенно, даже не успев понять, что происходит.

А принц, выхватив из его падающей руки факел, в его огне накалил какую-то маленькую вещицу и безжалостно прижал ее к бедру девушки...

В ушах Эвитвы все еще звенел собственный крик, и поверх него, отпечатываясь в сознании четко, как и клеймо на ее коже, звучали слова принца:

«Это всего лишь ожог, не более. Никто вам ничего не отпечатывал. Я всего лишь подарил вам немного забвения. Я спас вас!»

Глава 5. Монаршие капризы

Эвита не слышала, как ушла королева. Вот в таком потрясении была девушка!

Кажется, королева, словно большая крыса, помчалась смотреть, что там за наряды готовит для Эвиты портной, и принц выкрикнул ей вслед «не вздумайте и их присвоить!».

Принц как-то незаметно вернул ей прежний облик, и Эвита, растрепанная и потерянная, встала перед ним.

— Как же вы могли...

— Мог что? Спасти тебя? — насмешливо произнес принц. — Храбро и дерзко. Кстати, могла бы и поблагодарить меня за это.

— Да я чуть не умерла от ужаса! Вы клеймили меня! — яростно выкрикнула девушка. — Словно лошадь или овцу!

— А ты предпочла бы, чтобы над тобой поколдовал Жак?! — холодно поинтересовался принц. — Достаточно капризов! Ты слишком изнеженна и глупа!

— Это было больно! — выдохнула Эвита, глядя в его темные яростные глаза. — Больно и страшно! Невыносимо!

— Ну, вынесла же, — неприязненно ответил принц. — Уж извините, королева слюней, но у меня не было времени с вами возиться и уговаривать!

Он, паясничая, поклонился, и Эвита вспыхнула до корней волос от обиды.

— Я действовал так, как было возможно в этой ситуации, — язвительно продолжил принц. — Драться с Жаком тоже не входило в мои планы. Схватка могла затянуться, кто-то мог застать нас на месте поединка и выдать мою тайну. Поэтому я положился на внезапность. Один милосердный удар от того, кого он считал своим союзником — и чернокнижник уже на небесах.

— Как же вы объяснили королеве его гибель? — насмешливо произнесла Эвита. — Как она с вас шкуру не спустила? Принц неодобрительно посмотрел на девушку.

— Он был некромантом, — напомнил он. — У меня был приказ пустить его в расход сразу, как только он исполни свои обязанности. Сразу, как он клеймит вас. Ее величество королева терпеть не может магов.

— И сестренку... тоже?

— Она была милосердно усыплена и не помнит ничего, — огрызнулся принц. — Поработать с ней у меня было больше времени. К тому же, ребенок слишком впечатлителен. Она могла не пережить клеймение. Я проявил чудеса такта, чем вы недовольны?!

— Предатель! — выдохнула Эвита, сжав кулаки. — О, какой же вы подлый предатель! Будучи сам магом, вы истребили всех остальных!.. моего отца! За что?!

Принц расхохотался.

— Да вы точно блаженная, как и принцесса Лидании, — отсмеявшись, произнес он. — Поразительная наивность! Ес-

ли не я, то меня. Так понятно? Это не просто блажь королевы. Хотя и блажь тоже. Можно было бы попытаться договориться, но... в этом вопросе я с ней согласен. Если бы мы прибегли к переговорам, нас сочли бы слабыми и уничтожили. Нанести первый удар самыми первыми — всегда верная тактика.

— Что?!

— О, вы и это не помните? — принц с интересом заглянул в ее глаза. — Видимо, я перестарался немного с вашим забвением. Позвольте небольшой урок истории?

— Да уж будьте добры! — едко ответила Эвита. — Не очень приятно беседовать с человеком, который искалечил мне память и издевается, если я не понимаю, о чем идет речь!

— Цветущие королевства основали двенадцать вельмож. Маги и люди. Тогда еще магия не считалась чем-то дурным. Корона досталась моему отцу, и это был трудный жребий. Он доказал свою силу в рыцарских поединках и на поле брани. И сначала все шло хорошо. Но потом кое-кто, в том числе и ваш папаша, вдруг вспомнил, что он маг, что его способности намного больше, чем простые человеческие силы.

— Но вы тоже маг! Зачем было таиться? — заметила Эвита. — Это всех успокоило бы! Маг на троне — и нет повода бунтовать!

— Есть — если этот маг не ты, — отрезал принц.

— Но магия наследственный дар. Мать ваша этого дара

лишена. Остается отец. Значит, он сам тайлся? Зачем?!

— Затем, что он всегда учил меня, что в рукаве всегда должен быть стилет, о котором никто не знает!

— Но из-за его скрытности развязалась ссора и война между вельможами!

— Ссора и война развязалась из-за того, что кое-чей папаша не знает, что такое честь, и не умеет держать данных слов! Его клятвы — ничто, а верность его не более, чем иллюзия, — парировал принц. — Вспыхнул бунт; короля убили, — принц стал злым, глаза его превратились в бушующий ад, — и не факт, что это не сделали люди по наущению вашего отца. Но вот незадача, — принц гадко посмеивался, — к тому моменту подрос я. И я, юный и неопытный принц, вколотил врагам в глотки вместе с расплавленным свинцом все неуважительные слова, высказанные в адрес королевского дома. Правда, неожиданно?

— Вы ждете, что я вас похвалю за проявленную вами жестокость?!

— Разумеется, нет! — фыркнул насмешливо принц. — Зачем мне ваши похвалы? Я итак знаю, что молодец. В этой бойне я выжил и победил. Большого для самоутверждения и не нужно.

— Победили не вы, — резко выкрикнула Эвита. — А ваша мать, которой вы боитесь признаться, что!..

Крепкая ладонь принца до боли сжала лицо девушки, зажала рот.

— Тише, тише, — страшно прошипел принц, склоняясь над Эвитой. Его красивое лицо сделалось страшно. — А вот кричать о магии в королевском доме чревато! И обвинение принца в магической ереси чревато! Думаешь, я не потащу тебя за собой, если за меня возьмутся всерьез? И тебя, и твою сестренку...

Эвита вскрикнула и забилась. Принц крепко встряхнул ее, отрезвляя.

— Так что прекрати вести себя как тупая корова! — неуважительно рычал он. — И детских глупых капризов твоих с меня довольно! «Хочу-не хочу!» Это осталось в прошлом! Хочешь выжить — будешь делать то, что я велю!

— Я не стану рожать для вас детей! Я не инкубатор! — яростно выкрикнула Эвита, изо всех сил оттолкнув принца от себя.

— О, девочка! — он снова рассмеялся, жестокий и отчаянный. — Я вижу, что все-таки переоценил твой ум. Ты не умна; ты глупая, высокомерная и капризная дура, которая не до конца понимает, в какую неприятную историю влипла.

Он рывком прижал девушку к себе, до боли стиснул ее тело.

— И еще ты не понимаешь и не знаешь, как я могу быть жесток, — сухо произнес он, рассматривая ее искаженное от злости лицо. — И как умею добиваться своего. Я могу подвергнуть тебя таким страданиям, о которых ты даже и не подозревала. Так что хватит ломаться.

Эвита словно обезумела от ярости и страха.

Одежда ее была в полном беспорядке; грудь была видна из разорванного платья. И девушке вдруг показалось, что принц прижимается к ней слишком страстно, слишком похотливо.

Со вполне понятными намерениями.

И все сейчас повторится снова.

Насилие и унижение. Мучительный стыд оттого, что ее тело бьется в спазмах удовольствия.

Его горячий рот, ласкающий ее между ног.

И собственное тайное, стыдное желание, чтобы эта ласка не кончалась никогда!..

— Не смейте меня касаться! — кричала она, яростно колотя принца по плечам, по груди.

Он молча встряхнул ее, свирепо сопя. Так, словно хотел душу из нее вытрясти. Но это помогло мало; точнее — не помогло совсем.

Девушка превратилась в фурию, в опасного хищного зверька, бьющегося за свою жизнь. Она готова была кричать, кусаться и царапаться, она готова была выпрыгнуть из собственной кожи, лишь бы отбиться, лишь бы выскользнуть из его рук.

— Я ненавижу, ненавижу вас!

Они сцепились, словно пара кошек, бьющихся насмерть. Руки их переплелись в борьбе, и принц крепко прижал Эвиту к стене, придавил всем своим весом, стараясь с ней совла-

дать и успокоить ее.

— Тихо! — шипел он сквозь сжатые зубы. — Замолчи!

— Ненавижу! Ненавижу! — яростно твердила она, не понимая, откуда в ее груди столько огненного, пожирающего чувства к этому человеку. — Ненавижу!..

Ее крики было не остановить; и принц вдруг подался вперед, пребольно вцепился пальцами в ее подбородок и неожиданно влепил ей поцелуй, нехороший, злой, насильный и гадкий.

В нем не было нежности; только пылающая, всепоглощающая страсть.

И с любовью эта страсть, кажется, тоже имела мало общего. Желание драться и побеждать было заключено в этом поцелуе.

И Эвита, заводясь, приняла правила игры.

Она пребольно куснула принца за губу, он отпрянул от нее, отрезвленный болью, машинально отер кровь ладонью.

В его темных глазах плескалась страсть; темная, глубокая, гибельная.

Он был опьянен сопротивлением девушки, ее яростным отпором, ее силой. Она бросала вызов ему, сопротивляясь и противясь его воле.

И его это заводило больше соблазнительных танцев наложниц.

— Строптивая кобылица, — прошипел он, буравя ее горящим взглядом.

— Попробуй, укроти! — рявкнула она в ответ.

«Что. Я. Творю», — только и успела подумать Эвита, лишь один только раз заглянув в его глаза.

Его чувства каким-то образом передались и ей.

Она готова была дубасить его кулаками, кусать и рвать зубами, чтобы услышать, как с его губ сорвется стон.

Принц снова больно сжал ее лицо жесткими пальцами, снова яростно припал к ее губам своими, горячими и жадными.

И Эвита так же яростно ответила на его поцелуй, вцепившись ногтями в его плечи, обвив принца ногами и повиснув на нем, словно на своей жертве, которую хотела увлечь за собой в пропасть, на погибель...

Второй поцелуй вышел такой же яростный и страстный, долгий и мучительный, томящий разгоревшееся желанием тело. О предосторожности не думалось; ни он, ни она не вспомнили о том, что нужно хранить в тайне то, что сейчас происходит между ними.

Они целовались иступленно, жадно, порывисто, дыша пламенем друг друга.

— Вы и целоваться не умеете, вашество, — хрипнула ставшим внезапно непослушным голосом Эвита, через силу отрываясь от принца.

— А ты, стало быть, умеешь, — в тон ей ответил принц, тяжело дыша. Его ладонь с силой, жадно, сжала грудь девушки, виднеющуюся из разорванного платья. Принц задышал

еще жарче и жаднее, вжимаясь меж разведённых ног Эвиты, которыми она обнимала его. — Часто приходилось целовать кого-то?

Тут Эвита прикусила язык; как Маша она, разумеется, пробовала эту ласку, и частенько.

Опыт имелся.

А вот как дочь герцога она, разумеется, не имела права вести себя так свободно.

И дарить свои поцелуи всем, кому вздумается, тоже не имела права...

— Я спрашиваю, — яростно прорычал принц, жестко перехватывая ее под бедра и встряхивая девушку, — кого ты целовала до меня, а?!

— Ваше какое дело?! — шипела разъяренной кошкой девушка, терзая плечи мужчины ногтями. Он прижимался к ее раскрытому лону весьма недвусмысленно, потирался об ее тело вставшим жестким членом.

И от этого у нее судорогой сводило напряженные ноги, живот от предвкушения охватывали частые сладкие спазмы.

Девушка в струнку вытягивалась, чтобы не раскричаться, чтобы не застонать в голос от охватывающего ее безумия — от яростного и жгучего желания.

— Как будто вы мало целовали женщин... Думаю, их имена вы не назовете, даже если спросит ваша будущая королева!

— Никого, — злобно рявкнул принц. — Я не целовал ни-

кого. От женщин мне нужно другое! А не эти слюнявые причмокивания!

«О, прелесть какая, — восхитилась про себя девушка. — Да это первый его поцелуй?! Я бы сказала, что это романтично. Но он мне сейчас половину лица отожрет».

— Да? Неужели? А первым ко мне целоваться вы полезли, а не я к вам!

— Сейчас исправим эту оплошность!

Он поспешно, путаясь в одежде, высвободил из штанов жесткий член и, помогая себе рукой, приставил его к мокрому лону Эвиты.

Пальцы его, которыми принц провел по раскрытой промежности девушки, стали мокрыми от ее влаги, от ее неистового желания.

И это еще больше разозлило и раззадорило принца.

— Говоришь «нет», а сама мокрая по колено! — рыкнул он.

Цепко ухватив ее за бедра, он в одно движение насадил девушку на свой вставший член и толкнулся в ее узкое тело так жестко и яростно, что она вскрикнула от боли, сжавшись.

— Все равно моей будешь, — рычал он злобно, толкаясь еще раз, жестко и жестоко, нарочно заставляя ее вопить еще и еще. — И не смей! Больше! Думать! О поцелуях! С другими!

Он трахал ее яростно, жестко.

От каждого толчка в ее тело Эвиту подбрасывало, она

всхлипывала и ахала, распластавшись по стене, плаваясь от всепожирающей яростной страсти, с какой принц брал ее.

— Ненавижу...

— Врешь, мерзавка!

Он навалился на не всем весом, прижался животом, грудью, влажным от бисеринок пота лбом — в ее лоб.

Он заполнил собой ее лоно, все ее существо, и продолжил свои неистовые толчки, вжимаясь в ее нежное тело до боли, до самого чувствительного бархатного донышка ее естества.

Она кричала и не слышала своего голоса.

Только чувствовала, как его член терзает ее, ворочаясь в ее теле, скользя туда и обратно, толкаясь в глубине лона, отчего у девушки дыхание перехватывало.

Принц зажимал ее вопящий рот губами, словно поцелуи, эта нежная и страстная ласка, пришлись ему по вкусу, и он требовал от изнемогающей девушки еще и еще.

И тогда она замолкала и чуть постанывала, упрямо сжав зубы.

— Пощадите, — молила Эвита.

Все ее ощущения сосредоточились там, между ног.

Ей казалось, что там расцветает жгучее, непереносимое, тяжелое удовлетворение, которое просто растерзает ее.

Сметет ее разум, подбросит ее до звезд и вытряхнет душу.

— Я уничтожу тебя, мерзавка! — шипел мужчина, вдавливаясь в ее тело все сильнее, все настойчивее.

Он смотрел в ее глаза, затуманенные безумием и накатывающим волнами наслаждением, и трахал девушку все злее, пока она не выдержала и не сдалась.

Пока она снова не раскричалась в полный голос, извиваясь в его руках, сжимая спазмирующим лоном его член, отчаянно кончая.

— Негодяйка...

Удовольствие рвалось из ее груди хищным, звериным рычанием. Последние ее жалкие стоны он слизал с ее губ жадным горячим языком. Губы Эвиты дрожали, она слабо отвечала на бешеные поцелуи мужчины, вздрагивая от яростных толчков в ее тело.

— Мы могли бы начать наше знакомство куда нежнее, — выдохнул он, когда накатило его удовольствие.

Он вжался в ее тело, выдохнул горячо пульсирующее наслаждение, вздрагивая и сжимая до боли ее затылок, ее взлохмаченные волосы.

Его горячие губы снова нашли ее, и теперь поцеловали осторожно, так, как и полагается мужчинам целовать женщин — лаская.

— Но ваша мать, — простонала Эвита, все еще в плену удовольствия. — Она ненавидит меня... да она и вас возненавидит, если узнает о вашей тайне. Есть ли смысл в нашем знакомстве, пока всем управляет она?..

Эти слова казались девушке логичными и естественными. Она просто вспомнила об опасности, отойдя от безумства

страсти. Но принц это воспринял как-то иначе. Болезненно и с непонятной ненавистью.

Он отпрыгнул от девушки, которую обнимал миг назад со страстной нежностью, как от прокажённой.

Эвита, оставленная без поддержки, еле устояла на подгибающихся ногах, опираясь на стену.

— Я не могу! — выдохнул он гневно. Ноздри его побелели от злости и затрепетали. Расслабленная нег испарилась из глаз.

— Чего не можете? — произнесла Эвита, выпрямляясь и стараясь стоять прямо, хотя коленки ее дрожали. — Вы, согнувшийся в бараний рог все Цветущие королевства, не можете обуздать злобу своей матери?

— Я не могу! — повторил принц, торопливо приводя свою одежду в порядок.

— Не можете? Или боитесь королеву?!

— Я не могу! — злобно рыкнул в третий раз принц. Глаза его полыхнули лютой яростью. — И дело тут не в страхе перед королевой. Я не могу!

— Что, умеете держать данное слово, в отличие от моего отца? — насмешливо поинтересовалась Эвита, стягивая на груди разорванную одежду. — Присягнули на верность королеве, и вынуждены служить? Хотя она такое чудовище, что уничтожила бы и вас? И как, стоит это того? Давать слово монстрам и убийцам, а потом верно его держать и служить им? Стоит?

Принц глядел на девушку исподлобья, недобро усмехаясь.

— Да, я умею держать данное мной слово, — ответил он четко. — И оно стоит дорого. Но я не идиот, чтоб раздавать клятвы верности налево и направо. Королеве я бы точно не стал присягать.

— Даже так!

— Я же не слепой и не дурак. И иллюзий относительно ее величества я не питаю. Вы правы — она сотрет любого в порошок, если заподозрит, что он встал между ней и властью. Даже меня.

— Однако, вы воюете под ее знаменами! И служите ей!

Принц, ядовито улыбаясь, шагнул к Эвите.

Запустил руку за ворот, вытащил какой-то неприметный черный шнурок, вроде тех, на которых носят обереги и амулеты.

Однако, шнурок был пуст.

Потерт, блекл, словно выцвел от долгих лет носки, с парой крохотных, неряшливых узелков, похожих на серые комочки.

Просто нитка.

— Знаете, что это такое? — поинтересовался принц, оттягивая шнурок пальцем и демонстрируя его Эвите. — Ну, вспоминайте, вспоминайте! Не делайте вид, что вы круглая дура и несчастная калека, потерявшая память!

— Это... — нерешительно протянула Эвита, потянувшись рукой к странной нити на шее принца. Пальцы ее чуть

коснулись черного шнурка, и руку ее до локтя пронзила резкая боль, словно током ударило.

Эвита с криком отпрянула, тряся кистью, которая горела, словно обожженная. На подушечках пальцев пульсировал болью магический след.

— Это смирительный ошейник, — угодливо подсказал принц, посмеиваясь и пряча шнурок под одежду. — Когда король упокоился, королева решила, что власть должна принадлежать ей. Именно тогда и началось истребление магически одаренных людей. Естественно, я не мог присягнуть на верность королеве. Не хотел.

— И тогда...

— Тогда она решила меня заставить. По ее велению меня пытали — хотели заставить дать слово, присягнуть на верность. Я долго провел в застенках. Очень долго.

— Боже...

— Но и пытками они из меня клятвы верности не выбили. Я почти отдал небу душу, но им не удалось заставить меня произнести клятву верности. Калечить меня у королевы планов не было. Я нужен был ей живой и сильный. Тогда она и прибегла к средству, которое ненавидела всем сердцем: к магии. Два узелка на ошейнике. Первый — заставляет меня драться за королеву. Второй — не дает мне ее убить. Все просто.

— Есть ли хоть что-то святое в душе этого монстра?! — вскричала потрясенная Эвита. — Пытать собственного сы-

на!..

— Нету, — сухо ответил принц. — Не пытайтесь разглядеть свет там, где чернильно черно.

«О, ужас! — подумала Эвита, содрогаясь. Сердце ее рвалось от жалости, на глаза навернулись слезы. — Нацепила на него эту удавку! Сколько же боли он перенес, сопротивляясь? Этот шнурок душил, жег и мучил его при каждой попытке воспротивиться. А этот упрямец наверняка сопротивлялся долго. Недели, месяцы, наполненные болью и яростью... Самый могущественный человек в Королевствах, самый сильный, гордый, он сидит на веревке у ноги своей жестокой и порочной матери. Какое унижение! Что удивляться, что он жесток и груб? Побоями можно вырастить и воспитать только монстра. И все же, в его душе еще осталось место состраданию и милосердию!»

— Мне очень, очень жаль, — произнесла Эвита, изо всех сил стараясь, чтоб ее голос звучал как можно мягче и искреннее. — Простите, что я дразнила вас! Мне так стыдно за свои слова! Я не знала... действительно, даже не подозревала, что вы...

Принц отпрыгнул от нее, словно ожегшись.

В его черных глазах сияло безумие.

— Ни слова больше! — прохрипел он, словно шнурок вдруг сдавил его гордо до тяжелого удушья.

— Но я всего лишь хотела сказать, — растерянно и убито пробормотала Эвита, шагнув к нему, — что мне искрен-

не жаль вас! Я не хочу причинять вам боль, как это делают другие. Правда, не хочу. Вы достойны уважения, а не жестокости и не унижения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.